

ЛИ ЧАЙЛД

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!



Колоссальная,
захватывающая,
великолепная
книга...

The New York Times

НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

КУЛЬТОВЫЙ СЕРИАЛ О ДЖЕКЕ РИЧЕРЕ

Ли Чайлд
Нечего терять
Серия «Джек Ричер», книга 12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3301335
*Нечего терять / Ли Чайлд ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой].: Эксмо, Domino;
Москва, Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-699-55726-4*

Аннотация

В этом городе все принадлежит одному человеку: завод, гостиница, банк и даже церковь, проповедующая скорый конец света. Здесь не любят чужаков и сразу выдворяют их вон. Джек Ричер хотел всего лишь выпить кофе в местном ресторане, а нарвался на четырех громил, попал в тюремную камеру и в результате был изгнан из города. Теперь он не отступится, пока не узнает, какую тайну пытаются скрыть жители этого странного населенного пункта. Ведь в конце концов Ричеру нечего терять...

Ли Чайлд — один из лучших современных авторов, работающих в жанре детектива-экшн. Его герой Джек Ричер стал поистине культовой фигурой, воплощением неслышимого героя-детектива.

Содержание

Глава 01	4
Глава 02	5
Глава 03	8
Глава 04	11
Глава 05	16
Глава 06	18
Глава 07	21
Глава 08	23
Глава 09	28
Глава 10	30
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	49
Глава 16	51
Глава 17	55
Глава 18	58
Глава 19	61
Глава 20	64
Глава 21	67
Глава 22	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ли Чайлд

Нечего терять

*Посвящается Рей Хелмсуорт и Джанин Уилсон.
Они знают почему*

Глава 01

Солнце не было и вполтину таким палящим, каким могло бы быть, но все равно жарило сильно, и у него кружилась голова и путалось сознание. Он страшно ослабел, потому что вот уже семьдесят два часа ничего не ел и сорок восемь часов не пил воды.

Нет, он не ослабел – он умирал и знал это.

В голове у него мелькали образы и тут же уплывали прочь. Вот лодку с веслами подхватило течение, сгнившая веревка натянута, лодка дергается, пытается высвободиться, а на дне сидит маленький мальчик и беспомощно смотрит на удаляющийся берег и причал.

А вот дирижабль медленно раскачивается на ветру, он каким-то образом оторвался от мачты и плывет вверх от земли, а мальчик, сидящий в нем, видит крошечные испуганные фигурки внизу, они машут руками и с тревогой смотрят на него.

Потом картинки растаяли, потому что новые слова казались важнее образов, и это было нелепо, ведь раньше его никогда не волновали слова. Но прежде чем умереть, он хотел понять, какие из них принадлежат ему. Какие относятся к нему. Кто он: мужчина или мальчик? Его называли и так, и так. «Будь мужчиной», – говорили одни. А другие твердили: «Мальчик не виноват». Он был достаточно взрослым, чтобы голосовать, убивать и умирать, и это делало его мужчиной. Но он был еще слишком юным, чтобы пить спиртное, даже пиво, а значит, оставался мальчиком. Каким он был: храбрым или трусливым? Его называли и так, и так. А еще помешанным, дефективным, ненормальным, неуравновешенным, страдающим бредовыми идеями, травмированным. Он все это понимал и принимал, кроме слова «неуравновешенный». Получается, он должен быть уравновешенным? Подвешенным ровно, как дверь? Может быть, люди – это двери? И все проходит сквозь них? Может быть, они стучат на ветру? Он надолго задумался над этим вопросом, а потом в отчаянии рассек рукой воздух, осознав, что несет какую-то чушь, словно обкурившийся подросток.

Именно таким он и был полтора года назад.

Он опустился на колени. Песок не был и вполтину таким обжигающим, каким бывал на его памяти, но достаточно горячим, чтобы прогнать охватившую его дрожь. Он упал лицом вниз, измученный, окончательно лишившийся сил. Он ни секунды не сомневался, что если закроет глаза, то никогда уже больше их не откроет.

Но он очень устал.

Невыносимо устал.

Устал гораздо сильнее, чем когда-либо уставал мужчина или мальчик.

Он закрыл глаза.

Глава 02

Граница между Хоупом и Диспейром¹ была самой настоящей: линия на дороге там, где заканчивалось шоссе, ведущее из одного города, и начиналось то, что уходило в другой. Департамент дорог Хоупа использовал темный толстый асфальт, гладко раскатанный специальными машинами. Муниципальный бюджет Диспейра был явно скромнее. Они залили неровную поверхность дороги горячей смолой, а поверх насыпали гравий. В том месте, где встречались две поверхности, образовалась трещина шириной в дюйм – ничейная земля, заполненная черным, похожим на резину веществом. Разделение территории. Граница. Линия. Джек Ричер, не останавливаясь, перешагнул через нее и пошел дальше. Он вообще не обратил на эту линию никакого внимания.

Но позже он о ней вспомнил. Позже он сумел вспомнить ее во всех подробностях.

Города Хоуп и Диспейр находились в штате Колорадо. Ричер оказался здесь, потому что двумя днями раньше покинул Канзас, граничивший с Колорадо. Он направлялся на юго-запад. Прожив несколько дней в городе Калис, штат Мэн, он принял решение пересечь континент по диагонали до самого Сан-Диего, что в Калифорнии. Калис был последним большим городом на северо-востоке, а Сан-Диего – на юго-западе. От одной крайности к другой. С берега Атлантического океана до Тихого, из влажной прохлады в сухую жару. Ричер ехал на автобусах там, где они имелись, или автостопом в тех местах, где автобусов не водилось. Если же остановить никого не удавалось, шел пешком. В Хоуп он прибыл на переднем сиденье «меркьюри гранд маркиза» бутылочного цвета, за рулем которого сидел ушедший на покой продавец пуговиц. Ричер вышел из Хоупа пешком, так как утром не наблюдалось ни одной машины, движущейся на запад, в сторону Диспейра.

Позже он вспомнил и этот факт. И удивился, что не задал себе вопроса, в чем тут дело.

С точки зрения своего грандиозного диагонального плана Ричер слегка отклонился от маршрута. В идеале он должен был направляться на юго-запад и попасть в Нью-Мексико. Но Ричер никогда особенно не жаловал планы, а «гранд маркиз» удобная машина, да и старик сообщил ему, что едет в Хоуп, потому что хочет навестить там троих внуков, а затем собирается в Денвер, где у него имеется еще четверо. Ричер терпеливо выслушал его семейные байки и подумал, что вполне может позволить себе поехать сначала на юг, а после свернуть на запад. Возможно, пройти по двум сторонам треугольника будет гораздо увлекательнее, чем по одной? А потом, уже в Хоупе, он взглянул на карту, увидел, что в семнадцати милях западнее находится Диспейр, и не справился с соблазном свернуть с пути. Один или два раза в жизни он уже совершил такое путешествие – в метафорическом смысле, от надежды к отчаянию, и теперь посчитал, что должен претворить свои идеи в жизнь, тем более что возможность оказалась прямо перед ним.

Этот свой каприз он тоже вспомнил позже.

Дорога между двумя городами была прямой и двухполосной. Уходя на запад, она поднималась, но совсем ненамного. Ничего, на что стоило бы обратить внимание. Та часть Колорадо, где находился Ричер, была довольно плоской. Совсем как Канзас. Зато впереди виднелись Скалистые горы, голубые, массивные, затянутые дымкой. Они казались то очень близкими, то вдруг совсем далекими. Ричер взобрался на небольшое возвышение и замер, внезапно поняв, почему один город называется Хоуп, а другой – Диспейр. Поселенцы и фермеры, пришедшие на западные земли за сто пятьдесят лет до него, наверняка сделали привал в месте, которое позже стало называться Хоупом. Впереди они видели последнее серьез-

¹ Названия городов можно перевести как Надежда (*англ. hope*) и Отчаяние (*англ. despair*). (Здесь и далее примечания переводчиков.)

ное препятствие, находившееся, как им представлялось, на расстоянии вытянутой руки. Отдохнув день, неделю или месяц, они снова пустились в путь и оказались на возвышении, где сейчас стоял Ричер, – и им стало ясно, что кажущаяся близость Скалистых гор всего лишь жестокая шутка топографии. Оптическая иллюзия. Игра света. Отсюда великий барьер опять становился далеким, даже недостижимым, и, чтобы туда попасть, требовалось пройти сотни миль бесконечных равнин. Может быть, даже тысячи, хотя и это тоже было иллюзией. По прикидкам Ричера, первые солидные вершины находились примерно в двухстах милях. Иными словами, в месяце трудного перехода пешком или на телегах, запряженных мулами, по безликим диким просторам, следуя по едва заметным колеям, оставленным несколько десятилетий назад. Возможно, они потратили бы даже шесть недель на достижение цели, если бы время года было не самым подходящим для путешествий. В их ситуации не катастрофа, но горькое разочарование, удар достаточно серьезный, чтобы полные энтузиазма и нетерпения обосноваться на новом месте переселенцы от надежды перешли к отчаянию, причем за короткое мгновение, прошедшее между первым и вторым взглядом на горизонт.

Ричер сошел с дороги Диспейра на похрустывающий под ногами песок и направился к горюшке размером с машину. Он забрался на плоскую вершину, улегся на спину, подложив руки под голову, и стал смотреть в бледно-голубое небо с разбросанными по нему длинными перистыми облаками. Наверное, когда-то они были следами испарений, поднимавшихся с равнин, которые тянулись от одного побережья к другому. В прежние времена, когда Ричер курил, он, скорее всего, взялся бы за сигарету, чтобы скоротать время. Но он бросил курить. Ведь тогда ему пришлось бы держать при себе как минимум пачку сигарет и коробок спичек, а Ричер давным-давно перестал носить с собой вещи, в которых не было нужды. В его карманах лежали наличные деньги, просроченный паспорт, карточка банкомата и складная зубная щетка. И нигде его ничто не ждало – никакого склада вещей в далеком городе, ничего оставленного на хранение друзьям. Он владел лишь содержимым своих карманов, одеждой на теле и обувью на ногах. Этого ему вполне хватало. Все, что необходимо, и ничего лишнего.

Ричер встал и приподнялся на цыпочки. У него за спиной, на востоке, лежала неглубокая впадина десяти миль в диаметре, приблизительно в центре которой, в восьми-девяти милях от Ричера, расположился городок Хоуп – примерно десять кварталов, в каждом по шесть кирпичных строений, окруженных по краям сгрудившимися в кучки домами, фермами, сараями и прочими постройками из дерева и рифленого железа. Все вместе выглядело как небольшое теплое пятно в дымке. Впереди, в западном направлении, раскинулись десятки тысяч квадратных миль плоской земли, совершенно пустынной, если не считать лент далеких дорог и городка Диспейр в восьми-девяти милях от Ричера. Разглядеть Диспейр было труднее, чем Хоуп. На западе дымка стояла плотнее, и детали в ней терялись, но город казался больше, чем Хоуп, каплевидный, с традиционной площадью в деловой части, расположенной к югу от главной улицы, и обширной зоной, занятой промышленными предприятиями – отсюда такой густой смог. Диспейр выглядел менее привлекательным, чем Хоуп. Хоуп был теплым и добродушным, Диспейр казался холодным и серым. Он производил негостеприимное впечатление. На одно короткое мгновение Ричер заколебался, не вернуться ли ему назад, чтобы отправиться на юг из Хоупа, но он отбросил эту мысль еще до того, как она окончательно сформировалась. Ричер терпеть не мог поворачивать назад. Ему нравилось идти вперед, и неважно, что его там поджидало. Жизнь каждого человека должна строиться на определенных принципах, а неуклонное движение вперед как раз и являлось таким принципом для Ричера.

Позже он злился на себя за отсутствие гибкости в принятии решений.

Ричер слез с горюшки и, пройдя по диагонали, выбрался на дорогу в двадцати футах западнее того места, где ее покинул. Он двинулся вперед широкими шагами, легко и уве-

ренно, делая чуть больше трех миль в час, лицом к встречному движению – из соображений безопасности. Впрочем, встречного движения не наблюдалось. Точнее, вообще никакого движения. Дорога была совершенно пустынной. По ней не ездили ни легковые машины, ни грузовики. Ничего. Никакой надежды, что кто-то его подвезет. Это несколько озадачило Ричера, но не слишком озаботило. Ему не раз доводилось проходить более семнадцати миль за день. Он убрал волосы со лба, сбросил рубашку с плеч и зашагал дальше, навстречу тому, что ждало его впереди.

Глава 03

Границей города служил пустырь, на котором лет двадцать назад собирались что-то построить, но так и не построили. Дальше расположился старый мотель, закрытый, со ставнями на окнах, возможно покинутый хозяевами навсегда. На другой стороне улицы, в пятидесяти ярдах западнее, Ричер разглядел заправочную станцию. Два насоса, оба старые. Не древние вертикальные колонки, какие можно увидеть на картинах Эдварда Хоппера², но все равно устаревшие на пару поколений. Чуть дальше стоял крошечный домик с грязными окнами и выставленными в них пирамидами контейнеров с маслом. Ричер подошел к домику и просунул голову в дверь. Внутри оказалось темно, пахло креозотом и разогретой сырой древесиной. За прилавком маячил худой парень лет тридцати в поношенном голубом комбинезоне, заляпанном грязью.

– Кофе есть? – спросил Ричер.

– Это заправка, – ответил парень.

– На заправках обычно продают кофе, – сказал Ричер. – А также воду и содовую.

– У нас не продают, – буркнул парень. – Мы торгуем бензином.

– И маслом.

– Если вам нужно.

– А в городе есть кафе, где можно выпить кофе?

– Ресторан.

– Всего один?

– Нам хватает одного.

Ричер вернулся на улицу, залитую солнечным светом, и зашагал дальше на запад. Через сто ярдов дорога обзавелась тротуарами и, судя по вывеске на столбе, поменяла название и стала именоваться Главной улицей. Через тридцать футов на левой, южной стороне улицы появился первый настоящий квартал, занятый мрачным трехэтажным кубом из кирпича. Возможно, когда-то это был центр по продаже галантерейных товаров. Там и сейчас размещался какой-то магазин розничной торговли. Сквозь пыльные окна первого этажа Ричер разглядел трех покупателей, рулоны тканей и пластмассовую кухонную утварь. Рядом стоял точно такой же трехэтажный кирпичный куб, за ним еще один и еще. Похоже, деловой центр города занимал площадь со стороны в двенадцать таких кварталов, расположенных в основном к югу от Главной улицы. Ричер не был специалистом по архитектуре и находился далеко от Миссисипи, но у него возникло ощущение, что он попал в старый промышленный город в Коннектикуте или в прибрежной зоне Цинциннати. Здесь все было незамысловатым, суровым, без намека на украшения и каким-то устаревшим. Ричер видел фильмы, в которых действие происходило в маленьких городках Америки, и декорации казались ему немного более искусственными и яркими, чем в реальности. Этот город являл собой полную противоположность таким декорациям, как будто архитектор и целая куча приданных ему рабочих старались изо всех сил, чтобы сделать его более мрачным и безвкусным, чем требовалось. Машин было мало. Седаны и пикапы, все не моложе трех лет, медленно и лениво катили по дороге. На тротуарах встречались редкие прохожие.

Ричер наудачу свернул налево и занялся поисками обещанного ресторана. Он прошел дюжину кварталов, миновал бакалейную лавку, парикмахерскую, бар, дом с меблированными комнатами и полинявший старый отель и только тогда нашел ресторан, занимающий первый этаж очередного куба из темного кирпича. Потолок в заведении был высоким, стены по большей части представляли собой окна из зеркального стекла. Когда-то здесь, навер-

² Хоппер Эдвард (1882–1967) – американский художник, видный представитель американской жанровой живописи.

ное, размещался автосалон. Пол был выложен плиткой, столы и стулья сделаны из простого коричневого дерева, в воздухе витал запах вареных овощей. Сразу за дверью стояла конторка с табличкой «Пожалуйста, подождите, пока вас не посадят за столик» на короткой медной подставке с тяжелым основанием. Такие таблички попадались Ричеру повсюду от одного побережья до другого – те же буквы, цвет и форма. Очевидно, где-то имелась компания-поставщик, выпускающая их миллионами. Он видел подобные таблички в Калисе, штат Мэн, и не сомневался, что встретит их близнецов в Сан-Диего, штат Калифорния. Ричер остановился возле конторки и стал ждать.

Он ждал и ждал.

В зале было одиннадцать посетителей: три пары, каждая за отдельным столиком, трое человек за одним столом и два человека сидели отдельно. Одна официантка. Никакого другого персонала. У конторки никого. Самое обычное дело. Ричер побывал в тысяче подобных мест и на подсознательном уровне знал, какому ритму они подчиняются. Официантка бросит на него взгляд и кивнет, словно говоря: «Я сейчас вами займусь». Затем примет заказ, отнесет тарелку на столик и подойдет к Ричеру, сдувая выбившуюся прядь волос со лба – жест, одновременно означающий извинение за задержку и просьбу проявить сочувствие. Она возьмет из стопки меню и проводит его к столику, после чего умчится, а через некоторое время вернется – все в строгой последовательности.

Но здешняя официантка не сделала ничего подобного.

Она оглянулась на Ричера. Не стала кивать. Долгое мгновение изучала его, потом отвернулась и продолжила заниматься своими делами. Хотя по большому счету в этот момент у нее не было никаких особых дел. Она сосредоточила все внимание на одиннадцати посетителях ресторана, просто выполняя свою работу: останавливалась около столиков, спрашивала, все ли в порядке, и добавляла кофе в практически полные чашки. Ричер повернулся и посмотрел на стеклянную дверь, чтобы убедиться, не пропустил ли он табличку с часами работы ресторана – вдруг заведение собирается закрываться. Но ничего такого не обнаружил. Тогда он взглянул на свое отражение в зеркале, проверяя, не нарушает ли приличия то, как он одет. На нем были темно-серые брюки и темно-серая рубашка, купленные два дня назад в Канзасе, в магазине по распродаже излишков форменной одежды для обслуживающего персонала. Ричер обнаружил подобные магазины совсем недавно, там продавалась простая, надежная, хорошо сшитая одежда по приемлемой цене. Идеальный вариант. Волосы у него были коротко и аккуратно подстрижены. Накануне утром он побрился. Молния на брюках застегнута.

Он снова стал ждать.

Посетители по очереди поворачивались и открыто разглядывали его, а потом отворачивались. Официантка сделала очередной медленный обход зала, причем она смотрела куда угодно, но только не на Ричера. Он стоял спокойно, пытаясь оценить ситуацию в свете того, что хранилось в его мысленной базе данных, и понять, что происходит. Затем у него закончилось терпение, он прошел мимо таблички в зал и уселся в одиночестве за столик на четверых. Со скрежетом пододвинул стул и устроился поудобнее. Официантка проследила за ним взглядом и отправилась на кухню.

Она больше оттуда не вышла.

Ричер сидел и ждал. В зале царила тишина. Никаких разговоров, вообще ни единого звука, если не считать стука вилок и ножей по тарелкам, причмокивания жующих людей, звона чашек, осторожно опускаемых на блюдца, скрипа деревянных ножек стульев под телами, меняющими положение. Эти тихие звуки эхом разносились по громадному помещению, выложенному плиткой, и вскоре стали казаться оглушительными.

Почти десять минут ничего не происходило.

Затем перед рестораном остановился старый пикап с открытым кузовом. Через пару секунд из машины на тротуар выбрались четверо мужчин. Они сгруппировались в плотное маленькое подразделение, помедлили мгновение и вошли внутрь. Снова замерли на пороге, оглядели зал, отыскивали свою мишень и направились к столику Ричера. Трое сели на свободные стулья, а четвертый встал у стола так, чтобы помешать Ричеру уйти.

Глава 04

Каждый из этой четверки был весьма солидных размеров: самый низкий – примерно на дюйм меньше шести футов, а самый легкий – на унцию тяжелее двухсот фунтов. У всех костяшки пальцев размером с грецкий орех, широкие запястья и предплечья с мощными мышцами. У двоих были сломаны носы, и ни один не мог похвастаться полным набором зубов. Они показались Ричеру слишком бледными и не совсем здоровыми. Казалось, будто они давно не мылись: серая грязь въелась в складки кожи, блестевшей точно металл. Все были в полотняных рабочих рубашках с закатанными до локтей рукавами. Всем четверым от тридцати до сорока лет. И от них явно не стоило ждать ничего хорошего.

– Мне компания не нужна, – сказал Ричер. – Я люблю есть в одиночестве.

Мужчина, стоявший около стола, был крупнее остальных, наверное, на дюйм и десять фунтов.

– Ты есть не будешь, – заявил он.

– Не буду? – спросил Ричер.

– По крайней мере, здесь.

– Я слышал, что это единственное заведение в городе.

– Правильно слышал.

– И что?

– Тебе пора уходить.

– Уходить?

– Отсюда.

– Откуда?

– Из ресторана.

– Не хочешь объяснить почему?

– Мы не любим чужаков.

– Я тоже, – сказал Ричер. – Но мне нужно где-то поесть. Иначе я стану таким же изможденным и худым, как вы, ребята.

– Шутник.

– Просто называю вещи своими именами, – пояснил Ричер и положил локти на стол.

Он имел преимущество в тридцать фунтов и три дюйма перед самым крупным из них, а об остальных троих и говорить не стоило. А еще он готов был побиться об заклад, что у него больше опыта и немного меньше запретов, чем у любого из них. Или чем у всех четверых, вместе взятых. Однако в конечном итоге, если до этого дойдет, придется противопоставить свои триста пятьдесят фунтов их общим девятистам. Не слишком хорошие шансы. Но Ричер ненавидел поворачивать назад.

– Мы не хотим, чтобы ты тут болтался, – сказал крупный парень.

– Ты путаешь меня с кем-то, кого волнуют твои желания.

– Тебя здесь не обслужат.

– Правда?

– Даже не надейся.

– Ты можешь сделать заказ для меня.

– И что потом?

– Потом я съем твой ланч.

– Шутник, – повторил тот. – Ты должен немедленно уйти.

– Почему?

– Просто уходи.

– А у вас, ребята, имена есть? – спросил Ричер.

- Тебе их знать не нужно. И ты должен уйти.
- Вы хотите, чтобы я ушел, а я желаю услышать это не от вас, а от хозяина заведения.
- Мы можем это устроить.

Амбал, стоявший возле стола, кивнул одному из своих напарников, тот с шумом отодвинул стул, встал и направился на кухню. Через минуту он вернулся вместе с мужчиной в грязном переднике и с полотенцем в руках. Тот не производил впечатления человека, чем-то озабоченного или испуганного. Он подошел к столу, где сидел Ричер, и выпалил:

- Я хочу, чтобы вы покинули мой ресторан.
- Почему? – спросил Ричер.
- Я не обязан вам объяснять.
- Вы хозяин?
- Да, хозяин.
- Я уйду после того, как получу чашку кофе, – сказал Ричер.
- Вы уйдете прямо сейчас.
- Черный, без сахара.
- Мне не нужны неприятности.

– Они у вас уже намечаются. Если я получу чашку кофе, то уйду отсюда. Если же нет, эти ребяташки могут попытаться вышвырнуть меня вон, и тогда остаток дня вы будете отмывать кровь с пола, а завтра вам придется покупать новые столы и стулья.

Мужчина в переднике ничего не ответил.

- Черный, без сахара, – повторил Ричер.

Мужчина в переднике постоял какое-то время, затем отправился на кухню. Через минуту официантка принесла чашку с блюдцем. Она резко поставила ее перед Ричером, и часть содержимого пролилась на блюдце.

- Приятного аппетита, – сказала она.

Ричер поднял чашку и вытер ее дно о рукав рубашки. Поставил чашку на стол, вылил в нее кофе из блюдца, снова водрузил чашку на блюдце и сделал глоток.

«Неплохо», – подумал он. Кофе был немного слабоват, слегка переварен, но в остальном оказался вполне приличным. Лучше, чем в большинстве обычных кафе, хуже, чем в большинстве привилегированных заведений. Иными словами, ровно посередине. Чашка являла собой чудовище из фарфора с краями толщиной в три восьмых дюйма. Слишком широкая и мелкая и слишком толстая – из-за этого кофе остывал очень быстро. Ричер не был ярким поклонником тонкого фарфора, но считал, что сосуд должен служить своему содержимому.

Четыре типа так и остались возле стола. Двое сидели, двое стояли. Не обращая на них внимания, Ричер пил кофе, сначала не спеша, потом быстрее, когда напиток начал остывать. Осушив чашку, он поставил ее на блюдце и медленно отодвинул от себя к самому центру стола. Затем быстро сунул левую руку в карман, и четверка, сторожившая его, подпрыгнула на месте. Ричер достал доллар, разгладил и положил под блюдце.

- Ну что, пошли, – сказал он.

Мужчина, стоявший ближе всего к столу, отступил в сторону, пропуская его. Ричер со скрежетом отодвинул стул и встал. Все одиннадцать посетителей внимательно за ним наблюдали. Он аккуратно отставил стул, обошел стол и направился к двери, чувствуя, что все четверо последовали за ним. Он слышал, как их подошвы шуршат по полу. Выстроившись гуськом, они прошли между столами, мимо конторки и таблички на ней. В зале царил тишина.

Ричер толкнул дверь и вышел на улицу. Светило солнце, но воздух был прохладным. Тротуар был выложен квадратными бетонными блоками размером пять на пять футов, швы между ними, шириной в дюйм, заполняло что-то черное.

Ричер повернул налево и сделал четыре шага, чтобы отойти от припаркованного пикапа, затем остановился и встал так, что солнце оказалось у него за спиной. Его четыре противника выстроились перед ним в линию, и в результате получилось, что солнце светит им в глаза. Крупный парень, что стоял у стола, сказал:

– А теперь уходи.

– Я ушел, – ответил ему Ричер.

– Из города.

Ричер ничего не сказал.

– Поверни налево, и через четыре квартала выйдешь на Главную улицу. Когда до нее доберешься, поворачивай направо или налево, на запад или на восток. Нам без разницы. Просто не останавливайся, и все.

– Вы продолжаете здесь заниматься этими вещами? – спросил Ричер.

– Какими вещами?

– Выгоняете людей из своего города.

– Именно так мы и поступаем.

– А не хотите рассказать почему?

– Мы не обязаны тебе ничего объяснять.

– Я только что сюда пришел, – проговорил Ричер.

– И что?

– Поэтому я остаюсь.

Громила, стоявший последним в строю, закатал рукава до локтей и сделал шаг вперед. У него был сломанный нос и не хватало нескольких зубов. Ричер взглянул на его запястья, поскольку ширина запястий является единственным надежным показателем силы. У этого запястья были шире, чем роза на длинном стебле, но уже, чем брус сечением два на четыре дюйма. Впрочем, ближе к брусу, чем к розе.

– Вы выбрали не того человека, – сказал Ричер.

– Ты так думаешь? – поинтересовался тот, кто вел переговоры.

Ричер кивнул.

– Я хочу вас предупредить, потому что давным-давно кое-что обещал своей матери. Она считала, что я должен дать человеку шанс спокойно уйти.

– Ты маменькин сынок?

– Она любила, чтобы все было честно.

– Нас четверо, а ты один.

Ричер опустил расслабленные руки, слегка согнув их в локтях. Ноги расставил и надежно встал, чувствуя сквозь подошвы ботинок твердый бетон. Поверхность была неровной – судя по всему, тротуар подмели жесткой метлой прямо перед тем, как он застыл лет десять назад. Ричер согнул пальцы левой руки, прижав их к ладони. Медленно поднял руку на уровень плеч закрытой ладонью вверх. Четверо парней усталились на его согнутые пальцы, невольно подумав, будто он что-то прячет. Но что? Он резко разжал пальцы. Пусто! В ту же долю секунды Ричер сдвинулся в сторону и, резко вскинув правый кулак, нанес громиле, вышедшему из строя, сильный удар в челюсть. Тот вынужден был дышать ртом из-за сломанного носа, и от мощного удара у него захлопнулась челюсть, его приподняло в воздух, а в следующее мгновение он рухнул на тротуар, точно марионетка, у которой обрезали веревочки, причем на полпути к земле потерял сознание.

– Теперь вас только трое, – сказал Ричер. – А я по-прежнему один.

Они не были совсем уж любителями и отреагировали умело и довольно быстро. Отскочили назад, рассредоточились, образовав широкий оборонительный полукруг, заняли боевые стойки и приготовили кулаки к бою.

– Вы все еще можете уйти, – предложил Ричер.

Крупный парень, который отвечал за переговоры, заявил:

- Я так не думаю.
- У вас мастерства недостаточно.
- Тебе просто повезло.
- Дурака обмануть легко.
- Во второй раз этого не случится.

Ричер предпочел промолчать.

- Убирайся из города, – сказал переговорщик. – Тебе не справиться с тремя сразу.
- А вы проверьте.
- Ничего не выйдет. Только не сейчас.

Ричер кивнул.

– Может, ты и прав. Может, кто-то из вас останется на ногах и сумеет до меня добраться.

– Даже не сомневайся, так и будет.

– Но вопрос в том, который из вас станет счастливым. Сейчас вы никак не можете это знать. Один из вас повезет остальных троих в больницу, где они проведут полгода. Вы так сильно хотите, чтобы я убрался из города, что готовы пойти на такое?

Все четверо молчали. Тупиковая ситуация. Ричер обдумал свои следующие шаги. Правой ногой лягнуть в пах типа, стоящего слева, развернуться и врезать локтем тому, что в середине, нырнуть под неминуемо выброшенную вперед руку громилы справа, пропустить его мимо себя и припечатать по почкам локтем. Один, два, три, ничего особенно сложного. Возможно, затем придется немножко им добавить ногами и локтями. Труднее всего будет ограничить степень причиненного урона. Ему придется сдерживаться изо всех сил, чтобы оставаться в рамках обычной драки и не допустить убийства.

Все замерли. Ричер стоял выпрямившись, трое его противников приняли боевые стойки, четвертый лежал лицом вниз, он дышал, но не шевелился, и у него шла кровь. В некотором отдалении от этой застывшей картины жители города спешили по своим делам, а машины и грузовики медленно катили по дороге, сбрасывали скорость на перекрестках и ехали дальше.

Затем Ричер заметил одну особенную машину, которая промчалась через перекресток и направилась прямо к нему. «Краун виктория», белая с золотом, на переднем бампере черные «кльики», на крыше проблесковые огни, на крышке багажника антенны. На двери щит с надписью ДПД. «Департамент полиции Диспейра». За рулем сидел плотный коп в коричневой куртке.

- Оглянитесь, – сказал Ричер. – Кавалерия на подходе.

Но сам он не пошевелился. И продолжал смотреть на троих громил. Появление полиции еще ничего не гарантировало. Пока. Трое его противников находились в такой ярости, что вполне могли перейти от словесных предупреждений к прямому нападению. Может быть, за ними числилось уже столько таких проступков, что одним больше, одним меньше – не имеет значения. Маленький городок. Ричер по собственному опыту знал, что в таких городках все немного не в себе.

«Краун вик» резко затормозил у обочины, водитель достал из футляра между сиденьями гладкоствольное ружье и вышел из машины. Он привел оружие в боевую готовность и поднял его, держа поперек груди. Крупный мужчина, белый, около сорока лет. Темные волосы, мощная шея. Коричневая куртка и брюки, черные ботинки, на лбу полоса, навверное, от полицейской фуражки, которая осталась лежать на пассажирском сиденье. Он остановился за спинами головорезов и огляделся по сторонам, оценивая обстановку. «Все предельно ясно, – подумал Ричер. – Три парня окружили четвертого. Явно не для того, чтобы поговорить о погоде».

- Отойдите немедленно, – приказал коп.

У него был низкий властный голос. Противники Ричера тут же отступили, а коп вышел вперед. Иными словами, они поменялись местами. Теперь троица оказалась за спиной полицейского. Он повел своим ружьем и наставил его Ричеру в грудь.

– Ты арестован.

Глава 05

Продолжая стоять неподвижно, Ричер спросил:

– По какому обвинению?

– Можешь не сомневаться, я что-нибудь придумаю, – ответил коп.

Он переложил оружие в одну руку, а другой достал наручники из футляра на поясе. Он стоял, держа их на раскрытой ладони, и один из парней выступил вперед из-за его спины, взял их у него и подошел к Ричеру сзади.

– Руки за спину, – приказал коп.

– Эти ребята имеют официальные полномочия? – спросил Ричер.

– А тебе какая разница?

– Никакой. Только они должны их иметь. Если они тронут меня без уважительной причины, я переломаю им руки.

– Они все имеют официальные полномочия, – сказал коп. – Особенно тот, которого ты только что вырубил.

Он снова взял ружье обеими руками.

– Это была самозащита, – сказал Ричер.

– Скажешь это в суде, – заявил коп.

Парень, стоявший за спиной Ричера, завел ему руки назад и надел наручники. Тот, что вел переговоры, открыл заднюю дверь полицейской машины и придержал ее, точно гостиничный швейцар – дверцу такси.

– Садись в машину, – велел Ричеру коп.

Ричер быстро обдумал возможные варианты. Он был в наручниках. В трех футах у него за спиной торчал один из головорезов. В восьми футах перед ним стоял полицейский. В трех футах за спиной копа маячили еще двое. Ружье было какой-то моделью «Моссберга»³, Ричеру эта модель была незнакома, но он с уважением относился к этой марке.

– В машину, – повторил коп.

Ричер прошел к машине, обогнул открытую дверцу и забрался внутрь спиной вперед. Сиденье было из толстого винилового покрытия, и он легко скользнул по нему. На полу лежали резиновые пупырчатые коврики. Защитная перегородка была сделана из прозрачного пуленепробиваемого пластика. Подушка сиденья оказалась узкой, сидеть на ней со скрещенными за спиной руками будет неудобно. Ричер уперся в пол ступнями, поставив одну в отделение для левой ноги, а другую – для правой. Он не сомневался, что его будет сильно болтать по дороге.

Коп забрался на переднее сиденье, и подвеска просела под его весом. Он убрал оружие на место, захлопнул дверь, включил передачу и нажал на газ. Ричера тут же прижало к подушке. У знака «Стоп» водитель резко нажал на тормоза, Ричера швырнуло вперед, но он развернулся и принял на плечо удар о пластиковую перегородку. Коп проделал то же самое на следующем перекрестке и еще на одном. Однако Ричер отнесся к этому спокойно, поскольку ожидал подобного поведения. Он и сам так делал в прошлом, когда был тем, кто сидит впереди, а кто-то другой находился сзади. Кроме того, в маленьком городке полицейский участок не мог быть далеко.

Полицейский участок располагался в четырех кварталах к западу и в двух к югу от ресторана. Он размещался в таком же неприглядном кирпичном здании на улице, достаточно широкой, чтобы коп припарковался по диагонали, носом к тротуару. Других машин не

³ Помповое ружье, которым пользуется полиция.

наблюдалось. Маленький городок, маленький полицейский участок. В двухэтажном здании копы занимали первый этаж. На втором находился суд. Ричер решил, что камеры наверняка в подвале. Его путешествие до стола регистрации прошло без приключений. Он вел себя спокойно, понимая, что создавать проблемы бессмысленно. У беглеца, да еще пешего, нет никаких преимуществ в городе, границы которого находятся в двенадцати милях в одном направлении и, возможно, чуть больше – в другом. Патрульный, сидевший за столом, вполне мог быть младшим братом того, кто арестовал Ричера: тот же рост и телосложение, то же лицо и волосы. С Ричера сняли наручники, забрали содержимое его карманов и шнурки. Ремня у него не было. Затем его провели вниз по винтовой лестнице и посадили в камеру шесть на восемь футов с древней решеткой, которую красили, наверное, уже раз пятьдесят.

– Что насчет адвоката? – спросил он.

– Ты знаешь какого-нибудь адвоката? – поинтересовался коп.

– Общественный защитник меня вполне устроит.

Коп кивнул, запер замок и ушел. Ричер остался в полном одиночестве, других заключенных в тюрьме не было. Камеры располагались по одной стороне узкого коридора без окон. В каждой имелись привинченная к стене железная кровать и стальной унитаз, а также раковина над бачком. Лампы на потолке были оправлены в сетку. Ричер подставил правую руку под холодную воду и потер костяшки. Они болели, но не пострадали. Он лег на койку и закрыл глаза.

«Добро пожаловать в Диспейр», – подумал он.

Глава 06

Общественный защитник так и не объявился. Ричер проспал два часа, а потом по лестнице с топотом спустился коп, который его арестовал, отпер камеру и жестом показал, чтобы он выходил.

– Судья готов заняться твоим делом, – сказал он.

Ричер зевнул.

– Мне пока еще не предъявили никакого обвинения. И я не видел своего адвоката.

– Скажи это суду, а не мне, – буркнул коп.

– Что за идиотская система у вас тут действует?

– Та же, что действовала всегда.

– Я лучше посижу тут.

– Хочешь, я попрошу трех оставшихся парней тебя навестить?

– Не трать силы и отправь их сразу в больницу.

– А я сначала надену на тебя наручники. И привяжу к кровати.

– И проделаешь все это один?

– Я могу принести шокер.

– Ты живешь здесь, в городе?

– А что?

– Может, я как-нибудь загляну к тебе в гости.

– Вряд ли у тебя получится.

Коп стоял и ждал. Ричер пожал плечами и спустил ноги на пол, встал и вышел из камеры. Идти без шнурков было неудобно. На лестнице ему пришлось поджать пальцы ног, чтобы ботинки не свалились. Он прошаркал мимо стола дежурного полицейского и последовал за своим провожатым на следующий этаж. Лестница здесь была более впечатляющей, а наверху имелась деревянная дверь, закрытая. Рядом с ней стояла табличка на короткой подставке с тяжелым основанием. Такая же, как в ресторане, только эта гласила: «Городской суд». Коп открыл левую створку, и Ричер вошел в зал суда, где по обеим сторонам от центрального прохода стояли в четыре ряда сиденья для публики. Дальше находились загородка для обвиняемого и два стола – для защиты и для обвинения, при каждом по три кресла на колесиках, а также место для дачи свидетельских показаний, стулья для присяжных и приподнятый помост для судьи. Мебель и все остальное было сделано из сосны, покрытой темным лаком и ставшей еще темнее от времени. Стены на три четверти высоты были обшиты такими же панелями. Потолок и верхнюю часть стен выкрасили белой краской. За столом судьи Ричер увидел флаги: государственный флаг США и еще какой-то, видимо штата Колорадо.

В зале суда никого не оказалось. Здесь разгуливало эхо и пахло пылью. Коп прошел вперед и открыл дверцу загородки для обвиняемого. Указал Ричеру на стол защиты, а сам уселся на место обвинения. И они стали ждать. Наконец незаметная дверь в дальней стене открылась, и к ним вышел мужчина в костюме. Коп вскочил и рявкнул:

– Всем встать!

Ричер остался сидеть.

Мужчина в костюме поднялся по трем ступенькам и занял свое место. Он был крупным, лет шестидесяти с лишком, совершенно седым, в дешевом, плохо скроенном костюме. Судья взял ручку и поправил лежащий перед ним полицейский блокнот. Затем посмотрел на Ричера и спросил:

– Имя?

- Мне еще не зачитали права Миранды⁴, – сказал Ричер.
- Вам не предъявлено обвинение в совершении преступления, – ответил старик. – Это не суд.
- А что это?
- Слушание.
- О чем?
- Это административный вопрос, не более того. Возможно, простая формальность. Но я должен задать вам несколько вопросов.
- Ричер ничего не сказал.
- Ваше имя? – снова спросил судья.
- Не сомневаюсь, что в полицейском участке переписали данные моего паспорта, а потом показали вам.
- Для протокола, пожалуйста.
- Его голос звучал ровно, да и вел он себя вполне доброжелательно. Ричер пожал плечами и назвал себя:
- Джек Ричер. Среднего инициала нет.
- Старик все записал, затем последовали вопросы о дате рождения, номере социального страхования и национальности.
- Адрес?
- Постоянного адреса нет, – ответил Ричер.
- Судья записал.
- Род деятельности?
- Не имеется.
- Цель визита в Диспейр?
- Туризм.
- Как вы намерены обеспечивать себя во время пребывания в нашем городе?
- Я об этом не думал. Не ожидал, что возникнут серьезные проблемы. Это же не Лондон, не Париж и не Нью-Йорк.
- Пожалуйста, отвечайте на вопрос.
- У меня есть счет в банке, – сообщил ему Ричер.
- Судья записал и это, фыркнул и провел ручкой по написанным строчкам. На мгновение замер, а потом спросил:
- Ваш последний адрес?
- Почтовый ящик АПС.
- АПС?
- Армейская почтовая служба.
- Вы бывший военный?
- Да.
- Сколько времени вы служили?
- Тринадцать лет.
- До?
- Я уволился десять лет назад.
- Подразделение?
- Военная полиция.
- Последнее звание?
- Майор.

⁴ Права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно обладает при задержании и которые ему должны быть разъяснены при аресте до начала допроса.

- И с тех пор, как вы уволились из армии, у вас не было постоянного адреса?
- Не было.

Судья нарисовал жирный крест возле одной из строчек в своих записях. Ричер видел, что его ручка сделала четыре движения по бумаге – два в одну сторону и два в другую.

- Как давно вы не работаете? – последовал новый вопрос.
- Десять лет, – ответил Ричер.
- Вы не работаете с тех пор, как уволились из армии?
- По большому счету да.
- Майор в отставке не смог найти работу?
- Этот майор в отставке не хотел искать работу.
- У вас имеется счет в банке?
- Сбережения, – сказал Ричер. – Плюс случайные заработки.

На листке бумаги появилась новая жирная отметка – два вертикальных движения ручкой, два горизонтальных.

- Где вы провели прошлую ночь?
- В Хоупе, – ответил Ричер. – В мотеле.
- Ваши вещи все еще там?
- У меня нет вещей.

Судья опять записал его ответ и поставил жирный крест.

- Вы пришли сюда пешком?
- Да, – сказал Ричер.
- Почему?
- Автобусов нет, и мне не удалось найти кого-нибудь, кто бы меня подвез.
- Нет, меня интересует, почему вы пришли сюда?
- Туризм, – повторил Ричер.
- Что вы слышали о нашем маленьком городке?
- Ничего. Совсем ничего.
- И тем не менее решили здесь побывать?
- Получается, что так.
- Почему?
- Меня заинтриговало название.
- Это не слишком внятная причина.
- Мне нужно где-то находиться. И благодарю вас за гостеприимство.

Судья поставил четвертую отметку. Две вертикальные линии и две горизонтальные. Затем он принялся водить ручкой по своим записям, медленно и методично: четырнадцать вопросов, четырнадцать ответов плюс два отступления к полям, где стояли пометки.

- Прошу меня извинить, но я пришел к выводу, что вы нарушили один из законов города Диспейр. Вам придется нас покинуть.
- Покинуть?
- Покинуть город.
- Какой закон я нарушил?
- О бродяжничестве, – услышал он ответ.

Глава 07

– Здесь действует закон о бродяжничестве? – удивился Ричер.

Судья кивнул:

– Как и в большинстве западных городов.

– До сих пор я еще ни разу не сталкивался ни с чем подобным.

– Значит, вам очень повезло.

– Я не бродяга.

– Десять лет бездомный, десять лет без работы, вы ездите на автобусах или попутных машинах либо передвигаетесь пешком из одного города в другой, перебиваетесь случайными заработками – как еще вы себя назовете?

– Свободным человеком, – ответил Ричер. – И счастливым.

Судья снова кивнул:

– Я рад, что вы видите светлые стороны в своем положении.

– А как насчет Первой поправки, гарантирующей мои свободы?⁵

– Верховный суд управлял страной в прошлом. Теперь муниципальные власти имеют право не пускать в города нежелательные элементы.

– Туристы являются нежелательными элементами? А что по этому поводу думает Торговая палата?

– У нас тихий город, живущий по старым законам. Люди не запирают двери. Мы не видим в этом необходимости. Да и большинство ключей потеряно еще во времена наших дедов.

– Я не вор.

– Мы сторонники соблюдения осторожности. Опыт других городов говорит о том, что безработные бродяги всегда доставляют неприятности.

– А если я не уйду из вашего города? Какое меня ждет наказание?

– Тридцать дней тюрьмы.

Ричер встретил это известие молчанием.

– Офицер отвезет вас к границе города, – сказал судья. – Найдите работу и заведите себе жилье, и мы примем вас с распростертыми объятиями. Но до тех пор не возвращайтесь к нам.

Полицейский снова повел Ричера вниз по лестнице, отдал ему деньги, паспорт, карточку банкомата и зубную щетку. Все оказалось на месте. Затем коп вернул ему шнурки и подождал около стола дежурного, пока Ричер вдевал их в ушки, туго затягивал и завязывал. После этого коп положил руку на рукоять пистолета и приказал:

– В машину.

Ричер прошел через вестибюль и шагнул на улицу. Солнце уже село. День близился к вечеру, дело шло к зиме, и темнело быстро. Коп успел переставить свою машину, и теперь она стояла носом к дороге.

– Назад, – велел коп.

Ричер услышал, что где-то далеко на западе в небе летит самолет. Единственный мотор натужно ревел. «Сессна», или «бичкрафт», или «пайпер», маленький и одинокий в огромном пустом пространстве. Ричер открыл дверцу машины и забрался внутрь. Без наручников

⁵ Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова, религии, прессы, собраний и свободу обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб.

оказалось значительно удобнее. Он уселся боком, как в такси или лимузине. Коп наклонился к нему, положив одну руку на крышу машины, а другую на дверь, и сказал:

– Мы не шутим. Если ты вернешься, мы тебя арестуем и ты проведешь тридцать дней в той же камере. А если нам не понравится, как ты на нас смотришь, мы пристрелим тебя за сопротивление.

– Ты женат? – спросил Ричер.

– А что?

– Думаю, нет. У меня сложилось впечатление, что ты предпочитаешь заниматься самообслуживанием.

Коп на мгновение замер, затем захлопнул дверцу и сел за руль. Он помчался по улице, свернул направо и покотился на север. «Шесть кварталов до Главной улицы, – подумал Ричер. – Если он повернет налево и отвезет меня к западной границе города, возможно, я оставлю все как есть. Но если направо, на восток, чтобы я вернулся в Хоуп, может, и не стану оставлять».

Ричер ненавидел поворачивать назад.

Принципом его жизни было движение вперед.

Шесть кварталов, шесть остановок. На каждом перекрестке коп мягко тормозил, сбрасывал скорость, смотрел налево, потом направо и ехал дальше. У Главной улицы он остановился, постоял немного, нажал на педаль газа и, крутанув руль, покотился вперед.

Он повернул направо.

На восток.

Назад в Хоуп.

Глава 08

Они миновали продуктовый магазин, заправку, заброшенный мотель и незастроенный пустырь, после чего коп прибавил скорость до шестидесяти миль в час. Шины громко шуршали по неровной дороге, мелкие камешки ударяли в дно и отлетали на обочину. Через двенадцать минут машина сбросила скорость, съехала с дороги, затормозила и остановилась. Коп вылез, положил руку на рукоять пистолета и открыл заднюю дверь.

– Выходи, – велел он.

Ричер выбрался наружу и почувствовал под ногами землю Диспейра.

Коп показал пальцем на восток, где было темнее.

– Тебе туда, – сказал он.

Ричер не пошевелился.

Коп снял пистолет с ремня. Девятимиллиметровый «глок», квадратный и тусклый в темноте. Никакого предохранителя, только блокировка на курке, которую прижимал мясистый палец.

– Пожалуйста, дай мне повод, – сказал коп.

Ричер сделал три шага вперед. Увидел, как над далеким горизонтом встает луна. Увидел конец усыпанной камешками неровной дороги, ведущей в Диспейр, и начало гладкого шоссе, которое приведет его в Хоуп. Увидел разделительную полосу в дюйм шириной, заполненную чем-то черным.

Машина остановилась так, что бампер нависал прямо над ней. Граница. Линия. Ричер пожал плечами и перешагнул через нее. Один большой шаг – и он в Хоупе.

– Больше не беспокой нас, – напоследок предупредил его коп.

Ричер не ответил и не обернулся. Просто остановился лицом к востоку и стал слушать, как машина отъехала назад и развернулась, шурша шинами по мелким камешкам. Когда все стихло, он снова пожал плечами и зашагал по дороге.

Пройдя меньше двадцати ярдов, он увидел в миле от себя свет фар, приближающийся со стороны Хоупа. Между лучами было солидное расстояние, они то поднимались высоко вверх, то низко опускались. Большая машина, движущаяся очень быстро. Она выскочила из сгущающейся темноты, и, когда до нее оставалось сто ярдов, Ричер понял, что это еще одна полицейская машина. Тоже «краун вик», черно-белая, с «клыками» на переднем бампере, прожекторами и антеннами. Не доезжая до Ричера, она остановилась, над ветровым стеклом вспыхнул прожектор, дернулся, и его луч дважды скользнул по Ричеру, осветил с ног до головы и замер на лице, ослепив. Затем прожектор выключился, машина начала медленно приближаться, шурша шинами по гладкому асфальту, и остановилась так, что дверца водителя оказалась напротив Ричера. Он разглядел на ней золотой щит, а посередине буквы ДПХ. Департамент полиции Хоупа. Стекло с жужжанием поползло вниз, поднялась рука, и внутри машины зажегся свет. Ричер увидел за рулем женщину с короткими светлыми волосами, подсвеченными слабой желтой лампочкой в потолочном плафоне.

– Подвезти? – спросила женщина.

– Я пешочком, – ответил Ричер.

– До города пять миль.

– Я дошел сюда, значит, смогу дойти назад.

– Ехать проще.

– Я справлюсь.

Женщина замолчала. Ричер прислушался к терпеливому гудению двигателя машины. Приводные ремни вращались, глушитель тихонько тикал, остывая. Ричер двинулся дальше,

сделал три шага и услышал, что трансмиссия переключилась на задний ход. Машина поехала рядом, не обгоняя его. Окно было по-прежнему открыто.

– Дай себе передышку, Зенон, – сказала женщина.

Ричер застыл на месте.

– Вы знаете, кто такой Зенон? – спросил он.

Машина остановилась.

– Зенон Китийский, – ответила женщина. – Древнегреческий философ, основатель стоицизма. Я прошу вас прекратить изображать долготерпение.

– Стоики должны быть терпеливыми. Стоицизм предполагает абсолютное принятие судьбы. Так говорил Зенон.

– Вам суждено вернуться в Хоуп. И Зенону все равно, поедете вы туда или пойдете пешком.

– А вы кто: философ, коп или обычный шофер?

– Когда полицейский участок Диспейра вышвыривает кого-нибудь из города и оставляет на границе, они звонят нам. В качестве любезности.

– Такое часто случается?

– Чаще, чем вы можете себе представить.

– А вы приезжаете и подбираете нас?

– Мы здесь для того, чтобы служить. Так сказано на значке.

Ричер посмотрел на щит на дверце машины. В центре было написано: «ДПХ», наверху: «Защищать», а внизу добавлено: «И служить».

– Понятно, – сказал он.

– Так что садитесь.

– Зачем они это делают?

– Садитесь, и я вам расскажу.

– Вы хотите запретить мне идти пешком?

– Пять миль. Сейчас вы раздражены, а когда доберетесь до города, будете по-настоящему в ярости. Поверьте мне. Мы уже такое видели. Для всех нас будет лучше, если вы сядете в машину.

– Я не такой, как все. Пешие прогулки меня успокаивают.

– Я не намерена вас упрашивать, Ричер, – сказала женщина.

– Вы знаете, как меня зовут?

– Нам сообщили ваше имя из полицейского участка Диспейра. В качестве любезности.

– И предупреждения?

– Возможно. В данный момент я пытаюсь решить, принимать ли их слова всерьез.

Ричер снова пожал плечами и взялся за ручку задней двери.

– Садись впереди, болван, – сказала женщина. – Я тебе помогаю, а не арестовываю.

Ричер обошел багажник и открыл переднюю дверь со стороны пассажирского сиденья, окруженного радиоконсолями. Здесь даже имелся портативный компьютер, закрепленный на специальной скобе, однако само сиденье было пустым, на нем даже шляпа не лежала. Из-за перегородки безопасности Ричер не сразу сумел пристроить ноги. В машине пахло маслом, кофе, духами и разогретой электроникой. На монитор компьютера была выведена карта навигатора. Маленькая стрелка указывала на запад и исчезала у дальнего края розового пятна, подписанного «Город Хоуп». Пятно было прямоугольным, почти квадратным. Быстрый и приблизительный способ нахождения какого-либо места, как, например, сам штат Колорадо. Рядом с ним светло-малиновым пятном был отмечен Диспейр. Его форма не имела ничего общего с прямоугольником, городок напоминал тупой клин. Восточная граница Диспейра полностью совпадала с западной границей Хоупа, а дальше город расширялся, превращаясь в треугольник с обрезанной вершиной. Западная граница Диспейра была в два раза

длиннее восточной, за ней раскинулась серая пустота. Земля, не получившая статуса города. От автострад I-70 и I-25 ответвлялись отростки, которые проходили по ней и захватывали северо-западный угол Диспейра.

Женщина-полицейский закрыла окно и посмотрела назад, вытянув шею, а затем развернула машину. Она была довольно хрупкого телосложения. Вероятно, пять футов шесть дюймов, вероятно, меньше ста двадцати фунтов, и, вероятно, меньше тридцати пяти лет. Никаких украшений, в том числе обручального кольца. К воротнику строгой рубашки коричневого цвета прикреплен наушник фирмы «Моторола», на левой груди приколот большой золотой значок. Взглянув на него, Ричер узнал, что ее зовут Возн, а еще что она хороший полицейский. Складывалось впечатление, что она получила целую кучу наград и благодарностей. Она была привлекательной, но отличалась от обычных женщин, потому что видела то, чего не видели они. Это не вызывало сомнений. Ричер был хорошо знаком с подобными вещами, поскольку служил со многими женщинами в военной полиции.

– Почему меня прогнали из Диспейра? – спросил он.

Женщина по имени Возн выключила свет в машине, и теперь ее освещали только красные огни на приборной доске, розовое и малиновое сияние навигатора и белые отблески фар, отражавшиеся от дороги.

– Посмотри на себя, – сказала она.

– А что со мной такого?

– Что ты видишь?

– Обычного парня.

– «Синий воротничок» в рабочей одежде, в хорошей физической форме, сильный, здоровый и голодный.

– И что?

– Как далеко тебе удалось зайти в город?

– Я побывал на заправке, в ресторане и в городском суде.

– Значит, ты не видел всей картины, – проговорила Возн.

Она ехала медленно, около тридцати миль в час, как будто хотела многое ему рассказать. Одна ее рука лежала на руле, локтем опираясь на дверь. Другую руку она положила на колени. Чтобы проехать пять миль с такой скоростью, потребуется десять минут. Ричеру стало интересно, что такого она хочет ему сообщить за эти десять минут.

– Я скорее «зеленый воротничок», чем «синий», – сказал он.

– «Зеленый»?

– Я служил в армии. В военной полиции.

– Когда?

– Десять лет назад.

– Сейчас работаешь?

– Нет.

– Ну тогда понятно.

– Что понятно?

– Ты представлял для них угрозу.

– Почему?

– К западу от Диспейра находится самый крупный в Колорадо завод по переработке металла.

– Я видел смог.

– Больше в экономике Диспейра нет ничего. Только этот завод.

– Город одной компании, – понимающе сказал Ричер.

Возн кивнула, глядя на руль.

– Человек, которому принадлежит завод, владеет каждым кирпичом каждого здания в городе. Половина населения работает на него на полную ставку. Другая половина – время от времени, когда и если в них возникает нужда. Те, кто работает на ставках, вполне довольны жизнью. Остальные не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. Им не нужна конкуренция от пришлых чужаков. Им не нравится, когда в городе появляются новые люди, ищущие случайных заработков и готовые получать меньше денег.

– Я не хотел там работать.

– Ты им это сказал?

– Они не спрашивали.

– Они бы все равно не поверили. Жизнь в таких городах – довольно странная штука. Необходимость каждое утро приходить в определенное место и ждать кивка старшего мастера изменяет людей. Это своего рода феодализм. Там все устроено в соответствии с законами феодального строя. Владелец завода платит рабочим зарплату, но его деньги возвращаются к нему в виде ренты. И закладных. Ему принадлежит банк. Они не могут расслабиться даже в воскресенье. У них там одна церковь, и он является проповедником без духовного сана. Хочешь иметь работу – приходи на молитву, хотя бы иногда.

– А это честно?

– Ему нравится власть, и он пользуется всеми доступными средствами.

– Почему же они оттуда не уезжают?

– Кое-кто уехал. А те, кто остался, никогда не сдвинутся с места.

– Разве владелец завода не хочет, чтобы к нему пришли рабочие, готовые получать меньше?

– Он предпочитает стабильность. Ему нравятся люди, которые ему принадлежат, а не чужаки. Да и в любом случае, ему неважно, сколько он платит. Он все равно получает назад свои деньги в виде ренты и того, что жители оставляют в магазинах.

– Тогда почему те парни так забеспокоились?

– Люди всегда беспокоятся. Города, принадлежащие компаниям, – странные города.

– И судья с ними заодно?

– Он не может иначе. Это выборная должность. А закон о бродяжничестве на самом деле существует. Он действует в большинстве городов. И у нас тоже. Если кто-то подаст жалобу, обойти этот закон невозможно.

– Но в вашем городе никто не жаловался. Я провел там вчерашнюю ночь.

– Мы не принадлежим никакой компании.

Возн поехала медленнее, и Ричер увидел впереди первое строение Хоупа. Он его сразу узнал: скобяная лавка, принадлежащая семейной паре. Утром старик выставлял стремянки и тачки на тротуар, чтобы показать свой товар. Сейчас лавка была закрыта, свет в ней не горел.

– Сколько человек работает в полицейском участке Хоупа? – спросил Ричер.

– Кроме меня еще двое и дежурный командир.

– У вас есть помощники шерифа, которые принесли присягу?

– Четверо. Но мы не часто их используем. Иногда для контроля за движением, если где-то идет строительство. А что?

– Они вооружены?

– Нет. В Колорадо помощники шерифа – мирные гражданские лица. А что?

– А сколько таких помощников шерифа в Диспейре?

– Думаю, четверо.

– Я с ними познакомился.

– И?

– Что стали бы делать в вашем городе – теоретически, – если бы появился незнакомец, устроил разборку с одним из помощников шерифа и врезал ему в челюсть?

– Мы бы немедленно отправили эту жалкую задницу в тюрьму.

– Почему?

– Ты знаешь почему. Никаких уступок, когда речь идет о нападении на блюстителя порядка, плюс необходимость защищать своих, плюс гордость и самоуважение.

– А если это была самозащита?

– Гражданское лицо против блюстителя порядка? Нам потребовались бы очень серьезные доказательства.

– Ладно.

– У вас в военной полиции наверняка было то же самое.

– Уж можешь не сомневаться.

– Тогда почему ты спросил?

Ричер не стал отвечать прямо. Вместо этого он сказал:

– На самом деле я не стоик. Зенон проповедовал пассивное принятие судьбы. Это не для меня. Я совсем не пассивный. И очень близко к сердцу принимаю любой вызов.

– И что?

– Я не люблю, когда мне говорят, куда я могу идти, а куда – нет.

– Упрямый?

– Просто это меня раздражает.

Воэн еще немного сбросила скорость и остановилась у тротуара. Поставила трансмиссию на «парковку» и повернулась к Ричеру.

– Мой совет: забудь об этом и иди дальше. Диспейр того не стоит.

Ричер ничего не ответил.

– Иди поешь и сними комнату на ночь, – сказала Воэн. – Уверена, что ты проголодался.

Ричер кивнул.

– Спасибо, что подвезла, – поблагодарил он ее. – И рад был познакомиться.

Он открыл дверь и выбрался на тротуар. Аналог Главной улицы Диспейра здесь назывался Первой улицей. Ричер знал, что через квартал, на Второй улице, есть кафе. Он там завтракал. Он зашагал в ту сторону и услышал, как у него за спиной тихо заурчал двигатель «краун вика» и мягко зашуршали по асфальту шины. А потом он завернул за угол, и все стихло.

Через час Ричер все еще сидел в кафе. Он съел суп, стейк, картошку фри, бобы, яблочный пирог и мороженое. А сейчас пил кофе, который оказался лучше, чем в ресторане Диспейра. И его подали в кружке цилиндрической формы. Все равно довольно толстой, но очень близкой к идеалу.

Ричер думал про Диспейр и пытался понять, почему убрать его из города оказалось важнее, чем оставить там и предъявить обвинение в нападении на помощника шерифа.

Глава 09

Кафе в Хоупе придерживалось политики бездонной чашки в отношении кофе, и Ричер самым безжалостным образом это использовал. Он в одиночку выпил бо́льшую часть кувшина из кофеварки. Официантку, которая обслуживала Ричера, это зрелище заворожило, и ему не пришлось просить ее наполнять опустевшую чашку. Она подходила к его столику всякий раз, когда он был готов, иногда даже раньше, как будто хотела, чтобы он побил мировой рекорд по поглощению кофе. Он оставил двойные чаевые, на случай если хозяин пожелает оштрафовать ее за щедрость.

Когда Ричер вышел из кафе, уже совсем стемнело. Девять часов вечера. Он предположил, что до рассвета не меньше десяти часов. Скорее всего, солнце в этих широтах и в это время года встает около семи. Ричер прошел три квартала до маленького продуктового магазина, который заметил раньше. В большом городе он бы назывался погребком, а в пригородах принадлежал бы какой-нибудь большой компании, но в Хоупе оставался тем, чем, наверное, был всегда, – тесной, пыльной лавочкой, семейным бизнесом, где людям продавали то, что им необходимо, и тогда, когда им это необходимо.

Ричеру требовались вода, протеин и способ восстановить силы. Он купил три литровые бутылки «Поланд спринг», шесть плиток шоколада «Пауэр бар» и рулон мусорных мешков вместимостью тринадцать галлонов. Кассир аккуратно запаковал его покупки в бумажный мешок, Ричер взял сдачу и отправился в тот же мотель, где ночевал накануне. Ему дали тот же номер, что и в прошлый раз, в самом конце ряда. Он вошел в него, положил мешок на прикроватный столик и лег на кровать. Ему нужно было немного отдохнуть, потому что он собирался пройти семнадцать миль во второй раз за один день.

В полночь Ричер встал и выглянул в окно. Луны больше не было. Небо затянули черные тучи, лишь вдалеке виднелись проблески звезд. Он сложил свои покупки в черный мешок для мусора и перекинул его через плечо. Выйдя из мотеля, он пошел в сторону Первой улицы и свернул на запад. На улице не было ни машин, ни пешеходов. И лишь несколько освещенных окон. Самая середина ночи в самой глуши. Тротуар закончился в двадцати футах к западу от скобяной лавки. Ричер ступил на дорогу и продолжил свой путь со скоростью походного марша, четыре мили в час. Никаких проблем на гладкой плоской поверхности. Он выработал четкий ритм и вскоре почувствовал, что может идти так вечно, не останавливаясь.

Но ему пришлось остановиться – через пять миль, примерно в ста ярдах от границы между Хоупом и Диспейром. Он почувствовал, что впереди что-то есть. Дыра в темноте. Машина, припаркованная на обочине.

Полицейская патрульная машина.

Воэн.

В голове у Ричера всплыло имя, и одновременно зажглись огни машины. Очень яркие прожектора. Они словно пригвоздили его к месту. Перед ним вытянулась его тень, казавшаяся бесконечно длинной. Ричер прикрыл глаза левой рукой – в правой он держал мешок – и замер на месте. Свет продолжал гореть. Ричер сошел с дороги и зашагал по жесткому песку на север. Свет погас, но прожектор над ветровым стеклом продолжал следовать за ним и не желал оставлять его в покое. Тогда он изменил направление и двинулся навстречу свету.

Когда он подошел, Воэн выключила прожектор и открыла окно. Она припарковалась лицом на восток, два колеса стояли на песке, а задний бампер машины находился ровно параллельно границе на дороге. Она находилась внутри своей юрисдикции, но на грани.

– Я так и подумала, что еще увижу тебя, – сказала Воэн.

Ричер посмотрел на нее, но промолчал.

- Что ты делаешь? – спросила она.
 - Гуляю.
 - И все?
 - Закон этого не запрещает.
 - Здесь не запрещает, – сказала Воэн. – Однако если ты сделаешь еще три шага, то окажешься там, где это запрещено.
 - Но не по вашим законам.
 - А ты упрямый.
 - Ричер кивнул.
 - Я хотел посмотреть на Диспейр, и я это сделаю.
 - Там нет ничего интересного.
 - Не сомневаюсь. Но я предпочитаю сам делать подобные выводы.
 - Надеюсь, ты понимаешь, что они не шутили. Либо ты проведешь тридцать дней в тюрьме, либо они тебя пристрелят.
 - Если найдут.
 - Они тебя найдут. Я же нашла.
 - От тебя я не прятался.
 - Ты действительно причинил вред тамошнему помощнику шерифа?
 - А почему ты спрашиваешь?
 - Задумалась над вопросом, который ты мне задал.
 - Я не знаю наверняка, кем он был.
 - Мне не нравится думать о том, что помощнику шерифа причинен вред.
 - Тебе бы не понравился этот помощник. Если он действительно помощник шерифа.
 - Они будут тебя искать.
 - У них большой участок?
 - Меньше нашего. Кажется, две машины и два человека.
 - Они меня не найдут.
 - Зачем ты туда возвращаешься?
 - Потому что мне велели этого не делать.
 - Неужели оно того стоит?
 - А что бы стала делать ты?
 - Я представитель формы жизни, в основе которой лежит эстроген, а не тестостерон.
- И я уже повзрослела. Я бы наплевала и пошла дальше. Или осталась бы в Хоупе. Это совсем неплохое местечко.
- Увидимся завтра, – сказал Ричер.
 - Не увидимся. Либо я подберу тебя на этом самом месте через месяц, либо прочитаю в газете, что тебя избили и застрелили за сопротивление при аресте.
 - Завтра, – повторил Ричер. – Я угощу тебя ужином.
- Он двинулся вперед, сделал один шаг, второй, третий – и перешагнул через границу.

Глава 10

Ричер тут же сошел с дороги. Представитель полиции Хоупа предвидела, что он не оставит брошенный ему вызов без ответа. Нетрудно было догадаться, что копы Диспейра придут к тому же выводу. А ему совсем не хотелось налететь на припаркованную патрульную машину, принадлежащую полицейскому участку Диспейра. Результат будет далеко не таким приятным, как беседа с симпатичным офицером Возн.

Описав дугу в пятьдесят ярдов, Ричер вошел в кусты, растущие к северу от дороги. Достаточно близко, чтобы не потерять направление, но достаточно далеко, чтобы водитель проезжающей машины не сумел заметить его боковым зрением. Ночь выдалась холодной, а земля была неровной, и Ричер продвигался вперед медленно. Ничего даже отдаленно похожего на четыре мили в час. Он постоянно спотыкался, потому что не взял с собой фонарик. Это было взвешенное решение. Свет принес бы больше вреда, чем пользы, его было бы видно за целую милю. С тем же успехом можно забраться на камень и завопить: «Вот он я!»

Ричер преодолел одну милю, и часы у него в голове сообщили, что уже без четверти два ночи. Где-то далеко на западе опять послышался шум двигателя самолета. Одномоторный самолет, идущий на посадку. «Сессна», «бич» или «пайпер». Возможно, тот же самый, который Ричер слышал несколько часов назад. Он прислушивался к шуму, пока не стало ясно, что самолет коснулся земли и покатил по взлетно-посадочной полосе. Тогда Ричер снова зашагал вперед.

Через четыре часа оставалось примерно семьдесят пять минут до рассвета и Ричер находился на расстоянии около трехсот ярдов от центра города, в зарослях кустарника. Он знал, что оставил заметные следы, но его это не особенно беспокоило. Он сомневался, что полицейский участок Диспейра содержит свору ищеек или наблюдает за своей территорией с вертолета. До тех пор, пока Ричер не выйдет на дорогу или не появится на тротуарах городка, он останется практически невидимым.

Он прошел еще пятьдесят ярдов на север, заметил, что впереди возвышается валун размером с лодку, и спрятался за ним. Было все так же холодно. Ричер развернул свои припасы, выпил воды и съел плитку шоколада. Снова все сложил, встал в полный рост, повернулся лицом к городу и стал наблюдать. Валун доходил ему до груди, он поставил локти на плоскую поверхность и оперся подбородком на кулаки. Сначала он ничего не увидел. В городе царили мрак и тишина, кое-где тускло мерцали освещенные окна. Чуть дальше он заметил больше света и какую-то активность. По-видимому, это был жилой район к югу от центра. Дома, частные и многоквартирные, возможно, парковки с трейлерами. Люди начинали вставать и собираться на работу.

Через десять минут Ричер увидел, что на север движутся лучи прожекторов. Две или три пары. Они прочесывали пересечения улиц, отскакивали от домов, падали на тротуары и отбрасывали длинные тени в его сторону. Он оставался на месте и продолжал наблюдать. Лучи замерли у Главной улицы, затем под огромным прямым углом переместились на запад. За ними появились еще огни. И вскоре каждый перекресток оказался залит ярким светом длинной процессии машин. Казалось, будто на юге начал заниматься день. Седаны, грузовики-пикапы, старые модели спортивных автомобилей – все ехали на север, в сторону Главной улицы, приостанавливались и поворачивали на запад, туда, где, по словам Возн, находился завод по переработке металла.

Город, принадлежащий компании.

Шесть утра.

Жители Диспейра отправляются на работу.

Ричер проследовал за ними в четырехстах ярдах севернее, то и дело спотыкаясь о высохшие кусты вдоль дороги. Он двигался со скоростью трех миль в час. Они же делали больше тридцати. И тем не менее потребовалось десять минут, чтобы все они миновали его. Получился довольно длинный конвой. Последний грузовик обогнал Ричера, и он двинулся за ним, следя за красными задними огнями. Впереди, в миле или чуть больше, горизонт освещало ослепительное сияние, не имевшее никакого отношения к рассвету. Ричер знал, что солнце встанет у него за спиной, на востоке. А сияние на западе было светом дуговых ламп. Казалось, будто огромный прямоугольник, составленный из светильников на столбах, окружает громадную арену. Арену длиной примерно в милю и шириной в полмили. «Самый большой завод по переработке металла в Колорадо», – сказала Воэн.

«Да, это серьезно, – подумал Ричер. – Такое ощущение, что это самый крупный завод в мире».

От этого сияния во все стороны расползались белый пар и грязно-черный дым. Здесь длинный строй машин разбивался, они сворачивали налево и направо и парковались ровными рядами на бесконечных акрах, заросших ободранными кустами. Фары подпрыгивали на месте и по очереди гасли. В четверти мили к северу от ворот Ричер опять затаился и принялся наблюдать за людьми, которые, выстроившись гуськом, медленно входили внутрь, держа в руках контейнеры с ланчем. Ворота были узкими – вход для рабочих, а не для транспорта. Ричер предположил, что ворота для транспорта находятся на другой стороне комплекса, чтобы было удобнее выезжать на шоссе.

Небо у него за спиной начало светлеть, и стали проступать детали пейзажа. В целом земля была плоской, но при ближайшем рассмотрении Ричер заметил здесь достаточно неровностей, ямок и больших валунов, за которыми можно надежно спрятаться. Под ногами у него был темно-рыжий песок, кое-где виднелись жалкие кустики. Нигде ничего интересного, такого, что могло бы привлечь любителей пеших прогулок или походов. Нигде даже намек на симпатичные места для устройства пикника. Ричеру не нужна была компания, он надеялся, что проведет день в полном одиночестве.

Внутри комплекса вошел последний рабочий, и ворота для персонала закрылись. Ричер двинулся на северо-запад по широкой дуге, стараясь не высовываться, но выбирая места повыше. Завод был по-настоящему огромным. Его окружала стена из металлических панелей, выкрашенных белой краской. Поверх стены шел бесконечный, горизонтально расположенный цилиндр шести футов в диаметре. Забраться наверх не представлялось возможным. Все это напоминало тюрьму особо строгого режима. Первое впечатление Ричера о размерах завода было ошибочным. Он оказался больше самого города. Точно хвост, который виляет собакой. Диспейр не был городом с прилагающимся к нему заводом, это был завод с прилагающимися к нему жилыми домами.

Внутри начался рабочий день. Ричер услышал стоны тяжелых станков и звон металла о металл и даже сумел разглядеть вспышки и искры, летящие от резаков. Передвигаясь по кустарнику на расстоянии в четверть мили от стены завода, он прошел до северо-западного угла, потратив на это пятнадцать минут. Теперь его взгляду предстали ворота для транспорта. Секция западной стены была открыта, и от самого горизонта к ней тянулась широкая дорога, по виду гладкая и надежная, построенная для тяжелых грузовиков.

Дорога представляла собой проблему. Ричер понимал, что, если он собирается обойти весь завод против часовой стрелки, ему придется перейти через дорогу. И тогда он окажется на виду. Его темная одежда будет особенно заметна в рассветных сумерках. Но кому именно? Ричер полагал, что копы Диспейра остались в городе, к востоку отсюда. И сомневался, что территорию вокруг завода будут объезжать отряды наблюдения.

Но он ошибался.

Находясь на расстоянии четырехсот ярдов от завода, он увидел, что из транспортных ворот выехали два белых «шевроле тахо». Через пятьдесят ярдов один свернул налево, а другой – направо по накатанной колее из примятых кустов, появившейся в результате множества предыдущих разведывательных поездок. У машин были высокие подвески для пересеченной местности, большие шины с белыми буквами и слово «Охрана», написанное черным на дверях. Они делали не больше двадцати миль в час, один по часовой стрелке, другой против, словно собирались целый день кататься вокруг завода.

Ричер присел пониже, отошел назад еще на сто ярдов, отыскал подходящий камень и спрятался за ним. «Тахо» ехали по дороге, проложенной по периметру завода ярдах в пятидесяти от стен. Если завод растянулся больше чем на милю в длину и больше чем на полмили в ширину, значит, они проезжают три с половиной мили за один раз. При скорости двадцать миль в час у них уходит на это чуть больше десяти минут. Учитывая, что они двигаются в противоположных направлениях, каждая точка периметра будет свободна от наблюдения чуть больше пяти минут. И все. И это в том случае, если машины поддерживают одинаковую скорость.

Ричер ненавидел поворачивать назад.

Он пошел на запад, задерживаясь в ямках и углублениях и стараясь держаться так, чтобы валуны находились между ним и заводом. Через десять минут естественный ландшафт уступил место участку, где землю расчистили и выровняли для дороги. Ближайшая обочина была в десять ярдов шириной, из утрамбованного песка тут и там торчала жалкая трава, выросшая уже после того, как проложили дорогу. Дорожное покрытие было пятнадцати или шестнадцати ярдов шириной, двухполосное, с яркой желтой линией посередине. Гладкий асфальт. Дальняя обочина шириной в десять ярдов.

Общее расстояние – минимум тридцать пять ярдов.

Ричер никогда не был спринтером, да и вообще бегал очень медленно. Его лучшее достижение в скорости слегка превышало скорость быстро идущего пешехода. Он присел у последнего доступного ему крупного камня и принялся наблюдать за «тахо».

Они возвращались гораздо реже, чем он рассчитал. Интервалы приближались скорее к десяти минутам, чем к пяти. Необъяснимо, но хорошо. И плохо, что на самой дороге началось движение. Ричер понимал, что должен был это предвидеть. Самый крупный завод по переработке металла в Колорадо, естественно, занимался тем, что постоянно что-то ввозил и вывозил. Они не выкапывали свою продукцию из-под кустов и не зарывали ее назад. Они доставляли на территорию огромное количество металлолома и кучу болванок. Сразу после семи часов из ворот с ревом выехал грузовик с плоским прицепом, загруженным блестящими стальными штангами, и покатил по дороге. У него были номера штата Индиана. Через сто метров он встретился с другим таким же грузовиком, который направлялся на завод и вез разбитые машины, дюжины машин, разукрашенных полосами облезшей и ободранной краски. У этого грузовика были номера Орегона. Контейнеровоз с канадскими номерами выехал с завода и встретился на дороге с грузовиком из Орегона. Затем появился «тахо», объезжавший территорию против часовой стрелки, он пересек дорогу и покатил дальше. Через три минуты его партнер двинулся в противоположную сторону. Еще один грузовик с прицепом покинул территорию завода, а другой, наоборот, въехал на нее. В миле к западу Ричер заметил приближающийся третий, он мерцал и покачивался в утренней дымке. Далеко за ним виднелся четвертый.

Прямо как на Таймс-сквер.

На территории завода передвигались громадные порталные краны, повсюду вспыхивали ослепительные искры. В воздухе, дрожащем от жара печей, висел дым. До Ричера доносился приглушенный шум: стук молотов, дребезжание листового железа, металлический лязг, глухие звуки, похожие на грохот наковальни.

Ричер выпил немного воды и съел очередную плитку шоколада. Снова запаковал свой мешок и стал ждать, когда «тахо» еще раз проедут мимо. Затем он выпрямился и зашагал через дорогу. Он прошел в сорока ярдах от двух промчавшихся в разные стороны грузовиков. Конечно, был риск, что его заметят. Но во-первых, у него не было выбора. А во-вторых, он считал, что это вопрос разделения обязанностей. Скажет ли водитель грузовика мастеру, что он видел человека, идущего пешком? Позвонит ли мастер в службу безопасности? И станет ли служба безопасности сообщать об этом в городскую полицию?

Очень сомнительно. Но даже если это и произойдет, то, чтобы отреагировать на сообщение, уйдет время. Ричер успеет спрятаться в зарослях кустарника, прежде чем появятся «краун вики». А за пределами дороги проку от них мало. «Тахо» же будут придерживаться собственных маршрутов.

В общем, вполне безопасно.

Он продолжил свой путь туда, где виднелись большие камни, возвышенности и ямы, а потом направился на юг вдоль длинной стороны завода. Стена, огораживающая территорию, была футов четырнадцать в высоту и, похоже, сделана из крыш старых машин. Каждая панель была слегка выпуклой, и создавалось ощущение, будто стена состоит из локутов. Шестифутовый цилиндр наверху был сделан из того же материала, которому придали нужную форму под гигантским прессом, а затем отдельные элементы соединили так, чтобы швов не было видно, и выкрасили всю конструкцию в белый цвет.

У Ричера ушло двадцать шесть минут на то, чтобы пройти вдоль длинной стороны завода, – получалось, что он больше мили в длину. Оказавшись у его дальнего, юго-западного угла, Ричер понял, почему «тахо» ехали так медленно. Там располагался второй окруженный стеной комплекс. Еще один громадный прямоугольник такого же размера. Он лежал на оси между северо-востоком и юго-западом, не совсем на одной линии с первым комплексом. Его северо-восточный угол находился примерно в пятидесяти ярдах от юго-западного угла завода. Следы шин указывали на то, что «тахо» патрулировали и его тоже, проезжая взад и вперед по перемычке в пятьдесят ярдов, соединяющей две части гигантской искривленной «восьмерки».

Неожиданно Ричер оказался на виду. Его положение относительно первого комплекса было вполне приличным. И совсем не таким хорошим относительно второго. «Тахо», объезжающий территорию завода по часовой стрелке, вот-вот минует участок дороги между комплексами, сделает разворот и окажется совсем близко. Ричер стал отступать назад, на запад, к невысокому камню. Он прошел полпути через низкие заросли кустарника и тут услышал шуршание шин.

Он рубнул на землю лицом вниз и стал наблюдать.

Глава 11

Белый «тахо» проехал через узкую перемычку на скорости двадцать миль в час. Ричер слышал, как шины шуршат по кустам. Они были широкими и мягкими, скользили по земле, и мелкие камешки летели из-под колес направо и налево. До Ричера долетели шипение насоса гидроусилителя и влажная пульсация восьмицилиндрового V-образного двигателя. Машина сделала поворот так близко от Ричера, что он уловил запах выхлопных газов.

Он лежал не шевелясь.

Автомобиль поехал дальше. Не стал останавливаться, даже не замедлил скорость. Шофер сидел высоко на левом сиденье. Ричер понял, что, как и у большинства водителей, его глаза были прикованы к повороту, который он собирался сделать, то есть он смотрел вперед и влево, а не в сторону и вправо.

Плохая техника для охранника.

После того как «тахо» скрылся из виду, Ричер еще какое-то время не шевелился, затем встал, отряхнул пыль и зашагал на запад. Вскоре он укрылся за камнем, к которому направлялся перед появлением «тахо».

Второй комплекс был обнесен не металлической стеной, а каменной. Внутри располагались жилые дома. Ричер заметил декоративные растения и деревья, посаженные так, чтобы закрывать вид на завод. Вдалеке возвышался огромный дом, построенный из дерева в стиле «шале», более подходящем для Вейла⁶, чем для Диспейра. Вокруг него находились самые разнообразные хозяйственные постройки, в том числе сарай, который, скорее всего, был ангаром, потому что вдоль всей длины дальней стены шел широкий размеченный участок земли, очень похожий на взлетно-посадочную полосу. В обоих концах и посередине этой полосы стояли шесты с ветровыми конусами.

Ричер снова двинулся в путь. Он старался держаться подальше от проезда между комплексами. Оттуда его было слишком легко заметить и сбить машиной. Вместо этого он пошел по дуге на запад, чтобы обойти жилой комплекс так, словно обе огороженные территории были одним громадным препятствием.

К полудню Ричер залег с южной стороны, лицом к задней части завода по переработке металлов. Жилой комплекс был ближе и левее. Далеко за ним, на северо-западе, Ричер заметил маленькое серое пятно. То ли низкое сооружение, то ли группа зданий в пяти или шести милях от его укрытия. Кажется, около дороги. Возможно, заправочная станция, стоянка для грузовиков или мотель. Скорее всего, за пределами границы Диспейра. Ричер прищурился, но не смог понять, что там такое. Тогда он занялся более близкими целями. На заводе кипела работа. На жилой территории ничего особенного не происходило. «Тахо» продолжали объезжать территорию. По далекой дороге бесконечным потоком шли машины. В основном это были грузовики с кузовом-платформой, но время от времени Ричер замечал контейнеровозы и даже закрытые грузовые платформы. Они ехали в обоих направлениях, и небо пятнали выхлопы дизельных двигателей, длинными лентами тянущиеся до самого горизонта. Завод выплевывал дым, огонь и искры. На расстоянии его грохот казался не таким оглушительным, но вблизи наверняка наводил ужас. Солнце поднялось высоко в небо, и стало тепло.

Ричер присел пониже, он наблюдал и слушал, пока ему не наскучило это занятие, и тогда он зашагал на восток, чтобы взглянуть на дальнюю окраину города.

⁶ Город в центральной части штата Колорадо, в Скалистых горах. Один из самых популярных и престижных горнолыжных курортов страны.

Ярко светило солнце, поэтому Ричер соблюдал осторожность и передвигался медленно. Завод и город были разделены пустырем мили в три шириной. Ричер прошел через него по прямой, оставив в стороне кусты, где прятался. Во второй половине дня он оказался примерно на одном уровне с тем местом, где был в шесть утра, но южнее поселения, а не севернее и смотрел на задние стены домов, а не на фасады коммерческих зданий.

Дома были опрятные и совершенно одинаковые, дешевые, но вполне прилично построенные. Одноэтажные в стиле «ранчо», отделанные гонтом, с крышами, залитыми битумом. Выкрашенные краской или морилкой, с гаражами и без, с частокколами вокруг дворов и открытые всему миру. На большинстве крыш имелись спутниковые тарелки, дружно повернувшие головы на юго-запад, точно полк ожидающих чего-то зрителей. Ричер разглядел среди домов людей, по большей части женщин и детей. Изредка попадались мужчины, они крутились возле машин, неспешно работали во дворах. Ричер догадался, что это временные рабочие, те, кому сегодня не повезло. Он прошел по дуге в сто ярдов направо и налево, на восток и на запад, стараясь рассмотреть побольше. Впрочем, он не увидел ничего особенного: дома в странном маленьком пригороде, словно прилипшем к Диспейру, на расстоянии многих миль от чего бы то ни было, окруженные бескрайними открытыми пространствами. Высившиеся на западе Скалистые горы, казалось, находились в миллионе миль. Неожиданно Ричер понял, что Диспейр построили люди, потерявшие надежду. Они переместились через холмы и увидели перед собой далекий горизонт. Именно здесь и в тот момент они сдались. Разбили лагерь и остались, где были. А их потомки продолжали жить в городе, работали или не работали в зависимости от капризов хозяина завода.

Ричер съел последнюю шоколадку и выпил остатки воды, сделал пяткой ямку в кустах и закопал обертки и пустые бутылки вместе с мешком для мусора. Перебегая от камня к камню, он подобрался поближе к домам. Низкое гудение, доносившееся со стороны завода, расположенного вдаль, становилось тише, и Ричер понял, что рабочий день подходит к концу. Слева низко висело солнце, и его последние лучи целовали вершины далеких гор. Температура воздуха падала.

Первые машины и грузовики-пикапы начали возвращаться в город через двенадцать часов после того, как проехали в сторону завода. Длинный рабочий день. Они направлялись на восток, в сторону сгущающихся сумерек, поэтому фары были включены. Их лучи уносились на юг, заливали светом перекрестки, подпрыгивали и ныряли вниз, двигаясь в сторону Ричера. Затем они опять повернули, кто налево, а кто направо, и помчались в сторону подъездных дорожек, гаражей, навесов для автомобилей и просто участков земли, заляпанных машинным маслом. Одна за другой машины останавливались, и фары гасли. Затихали моторы. Слышался скрип открываемых дверей, которые через несколько мгновений захлопывались. Внутри домов горел свет, в окнах виднелось голубое сияние телевизионных экранов. А небо становилось все темнее.

Ричер подобрался еще ближе и увидел, как мужчины несут пустые контейнеры из-под ланча на кухни или стоят около машин, потягиваясь, потирая глаза тыльной стороной ладони. Увидел исполненных надежд мальчишек с мячами и рукавицами для бейсбола, рассчитывавших поиграть перед наступлением ночи. Видел, как некоторые отцы соглашались, а другие отказывались. Видел, как маленькие девочки выбегают на улицу с сокровищами, требующими немедленного изучения.

Он увидел крупного мужчину, который стоял возле его столика в ресторане, закрывая ему дорогу к выходу, а потом держал перед ним дверь полицейской машины, как консьерж дверцу такси. Старший помощник шерифа. Он вылез из старого грузовика-пикапа, того самого, что подъехал тогда к ресторану, прошел мимо двери на кухню, прижимая обе

руки к животу, и, спотыкаясь, поспешил во двор. Забора вокруг его дома не было. Он упорно шагал мимо обработанной земли в сторону кустов, растущих за домом.

Ричер подобрался поближе.

Мужчина остановился, расставил пошире ноги, наклонился, и его вырвало прямо на землю. Секунд двадцать он стоял, сложившись пополам, затем выпрямился, потряс головой и сплюнул.

Ричер подошел еще ближе. Когда до мужчины оставалось двадцать ярдов, тот снова наклонился и его вырвало во второй раз. Ричер слышал, как он тяжело вздохнул. Не от боли или удивления, а с раздражением и покорностью.

– Ты в порядке? – спросил из темноты Ричер.

Мужчина выпрямился.

– Кто здесь? – крикнул он.

– Я, – ответил Ричер.

– Кто?

Ричер подошел поближе и шагнул в полосу света, падающего из окна кухни соседского дома.

– Ты, – с трудом выговорил мужчина.

– Я, – подтвердил Ричер.

– Мы же вышвырнули тебя из города.

– У вас не вышло.

– Ты не должен здесь находиться.

– Мы можем обсудить это подробнее, если хочешь. Прямо сейчас. И здесь.

Мужчина покачал головой.

– Меня тошнит. Это нечестно.

– Это было бы нечестно, даже если бы ты был здоров, – ответил Ричер.

Мужчина пожал плечами.

– Как скажешь, – пробормотал он. – Я иду в дом.

– Как твой дружок? Тот, что с челюстью?

– Ты сильно ему врезал.

– Зубы в порядке?

– А тебе какое дело?

– Это вопрос калибровки, – сказал Ричер. – Настоящее искусство – делать только то, что необходимо, не больше и не меньше.

– Ну, у него отвратительные зубы. Как и у всех нас.

– Очень плохо, – заметил Ричер.

– Меня тошнит, – повторил мужчина. – Я ухожу в дом. Я тебя не видел, ладно?

– Плохая еда?

Мужчина помолчал, а потом кивнул:

– Наверное, съел что-то плохое.

Он повернулся спиной к Ричеру и медленно направился к дому, спотыкаясь и придерживая ремень одной рукой, как будто брюки были ему слишком велики. Ричер проследил за ним взглядом и зашагал назад, в темноту.

Он прошел пятьдесят ярдов на юг и пятьдесят на восток от того места, где находился перед этим, на случай если помощник шерифа передумает и решит, что он все-таки что-то видел. Ричер хотел оказаться подальше от его дома, если копы станут обшаривать задний двор. И вне пределов досягаемости фонариков, если они отправятся за ним в погоню.

Но копы так и не появились. Очевидно, его собеседник не позвонил в полицию. Ричер прождал почти полчаса. Далеко на западе в небе снова послышался шум двигателя, который

напряженно набирал обороты, поднимаясь в воздух. Маленький самолетик еще раз взлетел с земли. Семь часов вечера. Затем шум стих, небо стало чернильно-черным, а дома надежно закрылись на ночь. Набежали тучи и спрятали луну и звезды. Если не считать света за задернутыми шторами, мир погрузился в густой мрак. Температура воздуха резко упала – наступила ночь, какой она бывает на открытых пространствах.

День выдался долгим.

Ричер встал, расстегнул ворот рубашки и зашагал на восток, в сторону Хоупа. Он шел так, что освещенные дома оставались слева, а когда они исчезли, свернул в темноте налево и пошел в ту сторону, где, насколько он помнил, должны были находиться магазин одежды, заправка, заброшенный мотель и пустырь, на котором собирались что-то построить. Затем он снова сдвинулся левее и попытался рассмотреть линию дороги. Он знал, что она должна там быть, но никак не мог ее разглядеть. Тогда Ричер направился туда, где она, по его представлениям, находилась, подошел к ней настолько близко, насколько смог решиться, и в конце концов увидел в ночном сумраке темную полосу. Неразличимую, но отличающуюся от равнины, заросшей кустарником. Ричер определил свое положение относительно нее, запомнил, где она проходит, отошел на безопасные десять ярдов и двинулся дальше вперед. Идти в темноте было трудно. Он постоянно налетал на кусты и держал руки вытянутыми перед собой, чтобы не наткнуться на валуны. Дважды он спотыкался о булыжники размером с футбольный мяч и падал. Дважды поднимался, отряхивал грязь и шел дальше.

«Упрямый», – сказала Воэн.

«Глупый», – подумал Ричер.

В третий раз он споткнулся не о камень. Это было что-то совсем другое, мягкое и податливое.

Глава 12

Ричер полетел вперед, и какой-то примитивный инстинкт помог ему не рухнуть на то, обо что он споткнулся. Он поджал ноги, втянул голову в плечи и перекатился, как в дзюдо. В результате он упал на спину, и у него перехватило дыхание, а острые камни впились в плечо и бедро. Мгновение он лежал не шевелясь, затем перевернулся на живот, встал на колени и оказался лицом к тому месту, откуда началось его падение. После этого он открыл глаза и принялся вглядываться в ночь.

Слишком темно, чтобы что-то рассмотреть.

А фонарика у него не было.

Он пополз вперед на коленях, опираясь о землю одной рукой, а другую сжав в кулак и выставив перед собой. Примерно через ярд она на что-то наткнулась.

Мягкое.

Не мех.

Ткань.

Ричер расставил пальцы. Расслабил их. Провел кончиками пальцев справа налево. Сжал.

Нога. Под его рукой была человеческая нога. Размер и плотность бедра не вызывали сомнений. Он нащупал ахиллово сухожилие, а под большим пальцем почувствовал длинную четырехглавую мышцу. Ткань была мягкой и тонкой.

Скорее всего, хлопчатобумажная саржа, выношенная и много раз стиранная. Возможно, старый бумажный твил.

Ричер сдвинул руку влево и нащупал тыльную сторону колена. Нога лежала передней поверхностью вниз. Тогда он подсунул под нее большой палец и нашел колено. Оказалось, что оно вдавлено в песок. Ричер вытянул руку на три фута вправо, провел по спине и добрался до лопатки. Затем отыскал пальцами шею, затылок и ухо.

Пульса не было.

Холодная кожа. Не теплее ночного воздуха.

Под ухом он нащупал воротник. Трикотажный, слегка жесткий. Наверное, рубашка с коротким рукавом. Ричер подполз на коленях ближе и раскрыл глаза так широко, что у него заболели мышцы лица.

Слишком темно, ничего не разглядеть.

Пять органов чувств. Слишком темно, чтобы видеть, и ни звука не слышно. На вкус Ричер ничего не собирался пробовать. Оставались обоняние и осязание. Запах был относительно нейтральным. Ричер в своей жизни немало сталкивался с запахами пострадавших живых организмов. Этот не вызывал особенно неприятных ощущений. Грязная одежда, застоявшийся пот, невымытые волосы, сухая, пропеченная на солнце кожа, едва различимые пары метана, потому что тело уже начало разлагаться. Мочевой пузырь и кишечник никак себя не проявили.

Крови нет.

Нет запаха духов или одеколона.

Никакой информации.

Значит, придется его потрогать. Ричер начал с волос. Не длинные, но и не короткие, полтора или два дюйма длиной. Жесткие, слегка вьющиеся. Принадлежат белому. Невозможно сказать, какого они цвета. Под ними маленький, аккуратный череп.

Мужчина или женщина?

Ричер провел ногтем большого пальца вдоль позвоночника. Под рубашкой нет лифчика, но это еще необязательно что-то значит. Он потыкал пальцем в заднюю часть груд-

ной клетки, точно слепец, читающий Брейля. Тонкие кости, выступающий позвоночник, не слишком крупные, но жилистые мышцы. Либо худой мальчик, слегка истощенный, либо женщина в хорошей физической форме. Из тех, что участвуют в марафонах или проделывают на своих велосипедах по сто миль зараз.

Так кто же это?

Только один способ узнать наверняка.

Он ухватился за одежду на плече и бедре и перекатил тело на бок. Оно оказалось довольно тяжелым. По тому, на каком расстоянии находились друг от друга руки, Ричер пришел к выводу, что его находка имеет рост пять футов восемь дюймов, а весит, скорее всего, сто сорок фунтов. Значит, это все-таки мужчина. Женщина – участница марафонов была бы намного легче, фунтов сто пять. Продолжая держать тело за одежду, Ричер сдвинул его и позволил упасть на спину. Затем расставил пальцы и опять начал свое исследование с головы.

Вне всякого сомнения, мужчина.

Лоб оказался костистым и неровным, на подбородке и над верхней губой четырехдневная щетина. Щеки и шея более гладкие.

Молодой мужчина, скорее юноша.

Выступающие скулы, глаза сухие, как шарики из мрамора. Кожа на лице жесткая и сморщенная. Слегка перепачканная в песке и слишком сухая. Рот тоже сухой – внутри и снаружи. На шее выступают жилы, напоминающие веревки. Нигде ни грамма жира. Да и вообще сплошные кожа да кости.

«Он голодал или был обезвожен», – подумал Ричер.

На рубашке имелось две пуговицы, обе растянутые. Ни одного кармана, только небольшая вышивка на левой стороне. Под ней жесткие ребра и жалкие грудные мышцы. Штаны широки в поясе, никакого ремня. На ногах спортивные тапочки со шнуровкой – крючки и дырочки – на толстой вафельной подошве.

Ричер вытер руки о собственные штаны и вновь принялся ощупывать тело, только теперь снизу вверх, в поисках раны. Он работал, терпеливо обследуя тело, точно наделенная сознанием рамка металлоискателя в аэропорту. Он ощупал его спереди, снова перевернул и занялся спиной.

И ничего не обнаружил.

Никаких резаных ран или пулевых отверстий, высохшей крови, опухолей, ушибов или сломанных костей.

Руки были маленькие и довольно изящные, лишь слегка загрубевшие. Неровные ногти. Колец на пальцах нет – ни на мизинце, ни обручального, ни кольца, свидетельствующего о месте учебы.

Ричер проверил карманы брюк, два передних и два задних.

Ничего.

Ни бумажника, ни мелких монет, ни ключей или телефона. Вообще ничего.

Ричер сел на пятки и уставился в небо, пытаясь усилием воли заставить тучи рассеяться и выпустить на волю лунный свет. Но ничего такого не произошло. Небо оставалось темным. Он шел на восток, упал, повернулся назад. Значит, сейчас он находится лицом на запад. Ричер встал с колен и выпрямился. Сделал четверть оборота вправо, к северу. Медленно пошел вперед, делая маленькие шажки, изо всех сил стараясь оставаться в вертикальном положении. Затем он наклонился, провел руками по земле и подобрал четыре камня размером с бейсбольный мяч. Снова выпрямился и двинулся дальше – пять ярдов, десять, пятнадцать, двадцать.

Он нашел дорогу. Утоптанная земля уступила место залитым смолой мелким камешкам. Носком ноги Ричер нащупал ее границу, затем наклонился, сложил рядом три камня, а

четвертый пристроил сверху – получилась миниатюрная пирамида. Он развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел назад, считая шаги. Пять ярдов, десять, пятнадцать, двадцать. Он остановился, присел на корточки и стал ощупывать землю перед собой.

Ничего.

Он мелкими шажками двинулся дальше, выставив перед собой руки ладонями вниз, и наконец его правая рука уперлась в плечо трупа. Ричер посмотрел на небо. Оно по-прежнему оставалось темным.

Больше он ничего не мог сделать.

Ричер опять выпрямился, повернул налево и, неуверенно передвигаясь в темноте, направился в сторону Хоупа.

Глава 13

Чем ближе он подходил к границе Хоупа, тем больше смещался влево, в сторону дороги. Хоуп был маленьким городком, и Ричер не хотел пройти мимо него в темноте. Не хотел идти бесконечно, до самого Канзаса. Но он смещался достаточно медленно, и, по его прикидкам, к тому моменту, когда он наткнулся на плечо трупа и почувствовал под ногами залитые смолой камешки дороги, ему оставалось пройти меньше мили. Часы у него в голове сообщили, что сейчас полночь. Значит, он неплохо справлялся и его скорость составляла около трех миль в час, несмотря на то что он еще четыре раза упал и каждые полчаса проверял, не сбился ли с курса.

Дешевая дорога Диспейра хрустела у него под ногами, но ровная жесткая поверхность позволила идти быстрее. Он взял хороший ритм и прошел оставшуюся часть мили меньше чем за полчаса. Было все еще холодно и очень темно. Но он почувствовал впереди другое покрытие, а потом дорога у него под ногами изменилась. Его левая нога оттолкнулась от жестких камней, а правая опустилась на гладкий, точно бархат, асфальт.

Он снова перешагнул через границу.

Какое-то мгновение Ричер стоял неподвижно, расставив в стороны руки и подняв голову к небу. А потом яркий свет фар ударил в него спереди, и он оказался будто в ловушке.

Включился прожектор, который исследовал его с головы до ног и обратно.

Полицейская машина.

Прожектор погас так же неожиданно, как включился, внутри машины загорелся свет, и Ричер увидел маленькую фигурку за рулем. Коричневая рубашка, светлые волосы. Ухмылка.

Воэн.

Она ждала его в темноте, поставив машину в двадцати ярдах от границ своей юрисдикции. Ричер двинулся в ее сторону, обошел машину слева. Подойдя к пассажирской дверце, взялся за ручку, открыл ее и с трудом забрался внутрь, где тихонько лопотало радио и пахло духами.

– Итак, ты свободна для позднего ужина?

– Я не ужинаю с сомнительными типами.

– Я вернулся, как и обещал.

– Повеселился?

– Не особенно.

– У меня ночное дежурство. Я освобожусь только в семь.

– Тогда давай позавтракаем. Пить кофе с сомнительными типами – это не то же самое, что ужинать с ними.

– Я не пью кофе на завтрак. Мне нужно выспаться днем.

– В таком случае чай.

– В чае тоже содержится кофеин.

– Молочный коктейль?

– Возможно.

Она спокойно сидела, упираясь локтем в дверцу и положив другую руку на колени.

– Как тебе удалось меня заметить? – спросил Ричер. – Я тебя не видел.

– Я ем много морковки, – ответила Воэн. – А наша видеоаппаратура имеет усиление для ночного видения. – Воэн наклонилась вперед и похлопала рукой по черной коробочке, установленной в верхней части приборной доски. – Камера движения и записывающее устройство с жестким диском.

Она нажала на кнопку на компьютере. На экране появилось призрачно-зеленое широкоугольное изображение того, что находилось впереди. Дорога была светлее кустов. Видимо,

она сохранила больше дневного тепла, чем то, что ее окружало. Или меньше, Ричер не знал наверняка.

– Я увидела тебя, когда ты находился в полумиле отсюда, – объяснила Возн. – Маленькую зеленую искорку.

Она нажала на другую кнопку, вернула изображение в более раннее время, и Ричер увидел себя: светящаяся в темноте точка становилась крупнее, приближаясь.

– Потрясающе, – сказал он.

– Деньги Министерства национальной безопасности. У нас их целая куча, нужно же на что-то тратить.

– Ты давно здесь?

– Час.

– Спасибо, что подождала.

Возн завела двигатель, немного сдала назад, по широкой дуге развернулась на дороге, заехав передними колесами на песчаную обочину, потом выправила машину и нажала на педаль скорости.

– Есть хочешь? – спросила она.

– Не особенно, – ответил Ричер.

– Тебе все равно нужно поесть.

– Где?

– Кафе открыто. Оно работает всю ночь.

– В Хоупе? Почему?

– Мы в Америке. У нас экономика услуг.

– Знаешь, я бы лучше поспал. Я проделал длинный путь.

– Сначала поешь.

– Зачем?

– Я считаю, что тебе это нужно. Очень важно регулярно питаться.

– Ты что, моя мамочка?

– Просто я уверена, что тебе необходимо поесть.

– Ты получаешь от кафе процент? Хозяин твой брат?

– Кое-кто тобой интересовался.

– Кто?

– Одна девушка.

– Я не знаю никаких девушек.

– Она не спрашивала именно о тебе, – объяснила Возн. – Ее интересовало, не вышвырнули ли из Диспейра кого-нибудь после нее.

– Ее тоже выгнали из города?

– Четыре дня назад.

– Они и женщин не пускают к себе?

– Бродяжничество не имеет половых различий.

– А кто она такая?

– Обычная девушка. Я рассказала ей о тебе. Не назвала имени, просто сказала, что сегодня вечером ты придешь в кафе поужинать. Я предположила, что ты сумеешь выбраться из Диспейра без потерь. Предпочитаю жить на солнечной стороне улицы. Так что, наверное, она будет тебя там искать.

– А чего она хочет?

– Она не сказала, – ответила Возн. – Но у меня сложилось впечатление, что пропал ее бойфренд.

Глава 14

Ричер вышел из машины Воэн на Первой улице и сразу направился на Вторую. Кафе было ярко освещено внутри, и там даже находились посетители. Три кабинки были заняты: один мужчина, одна женщина и двое мужчин вместе. Возможно, жители Хоупа, работающие в других местах. Явно не в Диспейре, но в соседних городках. Либо в соседних штатах, Канзасе или Небраске. А это большие расстояния. Наверное, они вернулись слишком поздно, чтобы готовить еду дома. Или они работают в ночную смену и решили перекусить перед началом, а впереди их ждет дальняя дорога.

Возле кафе никого не оказалось, и Ричер не заметил ни одной девушки. Никакие девушки не наблюдали за тем, кто входит и выходит из дверей. Никакие девушки не стояли, прислонившись к стене, и не прятались в тени. Ричер потянул на себя дверь, вошел внутрь и направился к кабинке в дальнем углу, где он мог сесть спиной к стене и видеть сразу все помещение. Привычка. Он никогда не садился по-другому. К нему подошла официантка, выдала салфетку, столовые приборы и стакан холодной воды. Не та, что обслуживала его в предыдущий раз, когда он устроил кофеиновый марафон. Эта была молодой и не слишком уставшей, хотя час был поздний. Возможно, она студентка колледжа. Возможно, кафе не закрывается ночью, чтобы обеспечивать жителей города работой, а не только едой. А может быть, хозяин обладает чувством гражданской ответственности. Хоуп производил именно такое впечатление.

Меню стояло на краю стола в хромированной подставке – ламинированная карта с цветными изображениями блюд. Официантка вернулась, и Ричер ткнул пальцем в приготовленный на гриле сэндвич с сыром и добавил:

– И кофе.

Официантка записала заказ и ушла, а Ричер откинулся на спинку стула и стал наблюдать в окно за улицей. Он предположил, что девушка, которая его искала, будет проходить мимо кафе каждые пятнадцать или двадцать минут. Сам он именно так бы и поступил. Более длинные промежутки – и она рискует его пропустить. Большинство посетителей кафе довольно быстро поглощали пищу и уходили. Он не сомневался, что где-то существует торговая ассоциация, у которой имеются точные данные на сей счет. Его собственные средние показатели равнялись приблизительно получасу. Меньше, если он спешил, и больше, когда на улице шел дождь. Самый длинный промежуток времени, проведенный им в кафе, приближался к двум часам. Самый короткий, насколько он помнил, был накануне в Диспейре. Одна чашка кофе, выпитая под враждебными взглядами.

Но никто не проходил мимо кафе. Никто не заглядывал в окно. Официантка принесла его сэндвич и кружку кофе. Напиток оказался свежим, а сэндвич очень неплохим. Сыр лип к зубам и был не таким ароматным, как в Висконсине, но вполне съедобным. А Ричер никогда не был гурманом. Качество еды он оценивал по двум критериям – удовлетворительное или нет, и первая категория заметно превышала вторую. Поэтому он пил кофе, ел и получал удовольствие.

Через пятнадцать минут он перестал высматривать девушку, решив, что она не придет. Затем он переменял мнение, отвернулся от улицы и принялся разглядывать посетителей кафе. И тут же понял, что она уже здесь и ждет его.

Молодая женщина, та, что в одиночестве сидела через три кабинки от него.

«Ты дурак, Ричер», – подумал он.

Он предположил, что если бы они поменялись ролями, то он проходил бы мимо кафе каждые пятнадцать или двадцать минут и заглядывал в окна. Но на самом деле он не стал

бы это делать. Он вошел бы внутрь, чтобы не мерзнуть, сел за столик и стал бы ждать, когда придет тот, кто ему нужен.

Она так и поступила.

Обычный здравый смысл.

Ей было лет девятнадцать или двадцать. Грязные светлые волосы с темными прядями, короткая джинсовая юбка и белая футболка с длинными рукавами и надписью на груди, возможно названием футбольной команды колледжа. Ее нельзя было назвать хорошенькой, но она обладала неотразимым сиянием здоровья, которое Ричер замечал у американских девушек ее положения и поколения. Идеальная кожа медового цвета со следами отличного летнего загара, белые ровные зубы, ярко-голубые глаза. Длинные ноги, не толстые и не худые. «Стройные», – подумал Ричер. Устаревшее слово, но очень правильное. И теннисные туфли с короткими белыми носками, едва достигающими до щиколоток. А еще рядом с ней на скамейке лежала сумка. Не дамская сумочка и не чемодан. Курьерская сумка из серого нейлона, с широким клапаном.

Девушка была именно той, кого он ждал. Ричер понял это, потому что, наблюдая за ней краем глаза, он заметил, что она точно так же наблюдает за ним. Она оценивала его, пытаясь понять, стоит ли к нему подходить.

Очевидно, пришла к выводу, что не стоит.

У нее было целых пятнадцать минут, чтобы принять решение. Но она не встала и не подошла. И вовсе не потому, что была хорошо воспитана. Не потому, что не хотела его беспокоить, пока он ел. Ричер подозревал, что ее понятия о хороших манерах так далеко не распространяются, но даже если он и ошибался, мысли о пропавшем бойфренде наверняка заслонили бы все остальное. Она просто не хотела с ним связываться, вот и все. И Ричер ее не винил. «Посмотри на себя, – сказала Воэн. – Что ты видишь?» Он не питал иллюзий насчет того, что увидела девушка, сидевшая через три кабинки от него. Не питал иллюзий относительно своей внешности или способности расположить к себе человека вроде нее. Был поздний час, и она видела старика вдвое старше ее, огромного, неопрятного, непричесанного, довольно грязного, буквально излучающего предупреждение «держись от меня подальше», которую он культивировал многие годы, наподобие знака на задней части пожарной машины: «Держитесь на расстоянии 200 футов».

Ричер понял, что она будет сидеть на месте, пока он не уйдет. Он был разочарован. Главным образом из-за вопросов, возникших у него в связи с мертвым юношей, на которого он наткнулся в темноте, но еще и потому, что в глубине души ему бы хотелось быть мужчиной, вызывающим доверие у молодых девушек. Это, разумеется, ни к чему бы не привело. Она была юной, а он – в два раза старше. К тому же бойфренд девушки умер, что делало ее в каком-то смысле вдовой.

Она продолжала за ним наблюдать. Ричер перевел взгляд на ее отражение в окне. Она поднимала глаза и опускала их, сжимала и разжимала кулаки. Неожиданно посмотрела в его сторону, как будто ей в голову пришла новая мысль, затем вновь отвернулась, как будто отбросила ее. Как будто нашла причины держаться от него подальше. Через пять минут Ричер принялся искать в кармане деньги. Счет ему был не нужен. Он знал, сколько стоят сэндвич и кофе и чему равняется местный налог на продажу, потому что цены были напечатаны в меню. Он вполне мог сосчитать в уме общую сумму и вычислить пятнадцатипроцентные чаевые для официантки в возрасте студентки колледжа, которая тоже старалась лишний раз к нему не подходить.

Ричер сложил мелкие банкноты в длину и оставил их на столе, затем встал и шагнул в сторону двери. В последнюю минуту он изменил направление, подошел к столику девушки и сел напротив.

– Меня зовут Ричер. Мне кажется, вы хотели со мной поговорить.

Девушка посмотрела на него, моргнула, открыла рот, снова его захлопнула и смогла заговорить только со второй попытки.

- А с чего вы так решили? – спросила она.
- Я встретил копа по имени Воэн. Она мне сказала.
- Что она вам сказала?
- Что вы ищете того, кто побывал в Диспейре.
- Вы ошиблись, это не я, – пробормотала девушка.

Врать она не умела. Совсем не умела. В своей предыдущей жизни Ричер встречался с настоящими мастерами, а у этой девушки все было написано на лице. Она судорожно сглаживала, начинала говорить и замолкала, заикалась, нервничала и посматривала вправо. Психологи установили, что центр памяти у человека находится в левом полушарии мозга, а за воображение отвечает правое. Таким образом, люди бессознательно смотрят влево, когда что-то вспоминают, и вправо, когда сочиняют, иными словами, врут. Девушка так часто поворачивала голову вправо, что Ричер начал опасаться за ее шею.

- Ладно, прощу прощения, что побеспокоил вас, – сказал Ричер.

Но остался на месте. Он сидел спокойно и расслабленно, занимая почти всю виниловую скамейку, предназначенную для двоих. Вблизи девушка оказалась симпатичнее, чем когда он смотрел на нее с расстояния. Ее лицо украшала россыпь веснушек, и у нее был подвижный, выразительный рот.

- Кто вы? – спросила она.
- Обычный человек, – ответил Ричер.
- Какой?
- Судья в Диспейре назвал меня бродягой. Так что, полагаю, я именно такой человек.
- Работы нет?
- Уже давно.
- Меня они тоже назвали бродягой, – сообщила она.

У нее был необычный акцент. Она не из Бостона, и не из Нью-Йорка, и не из Чикаго, и не из Миннесоты, и не с Глубокого Юга. Возможно, приехала с юго-запада. Вероятно, из Аризоны.

- Думаю, в вашем случае они ошиблись, – заметил Ричер.
- Я не совсем понимаю, что означает это понятие.
- Оно произошло от французского слова «waucrant», – объяснил Ричер. – Обозначает человека, который путешествует с места на место без законных или видимых средств к существованию.

- Я учусь в колледже, – проговорила девушка.
- Значит, против вас выдвинуто несправедливое обвинение.
- Они просто не хотели, чтобы я там находилась.
- Где вы учитесь?

Она помолчала, потом посмотрела вправо и ответила:

- В Майами.

Ричер кивнул. Она не училась в Майами. Возможно, вообще не училась на Востоке. Скорее всего, где-то на западном побережье. Например, в Южной Калифорнии. Неопытные лжецы часто выбирают зеркальный образ, когда врут насчет географии.

- Какая у вас специальность? – поинтересовался он.

Она посмотрела прямо на него.

- История двадцатого века.

Скорее всего, так оно и было. Молодые люди, как правило, говорят правду касательно области, в которой разбираются, потому что они этим гордятся, и к тому же они боятся, что

их поймают на вранье, если они назовут что-нибудь другое. Чаще всего это единственное, что у них есть. Издержки молодости.

– У меня такое ощущение, будто это было совсем недавно, – сказал Ричер. – Я не про историю.

– А про что?

– Про двадцатый век.

Девушка не ответила. Не поняла, что он имел в виду. Она, наверное, помнила максимум восемь или девять лет из прежнего столетия, причем видела их глазами ребенка. В его памяти осталось немного больше.

– Как вас зовут? – спросил он.

Она еще раз посмотрела вправо.

– Анна.

Ричер снова кивнул. Ее звали не Анна. Вероятно, это имя ее сестры. Или лучшей подруги. Может, кузины. Как правило, люди предпочитают держаться поближе к дому, когда придумывают фальшивые имена.

Девушка, которую звали не Анна, спросила:

– А вас тоже несправедливо обвинили в бродяжничестве?

Ричер покачал головой.

– Я самый настоящий бродяга.

– Зачем вы туда пошли?

– Мне понравилось название. А вас что туда понесло?

Она не ответила.

– В общем, там нет ничего интересного, – заявил Ричер.

– Вам много удалось увидеть?

– В основном когда я побывал там во второй раз.

– Вы вернулись?

Ричер кивнул.

– Я отлично рассмотрел город – с расстояния.

– И что?

– Все равно ничего особенного.

Девушка затихла. Ричер видел, что она обдумывает следующий вопрос. Пытается решить, как его задать. И задавать ли вообще. Она склонила голову набок и посмотрела ему за спину.

– Вы видели там каких-нибудь людей? – спросила она.

– Я видел много людей, – ответил Ричер.

– А самолет?

– Слышал.

– Он принадлежит человеку из большого дома. Каждый вечер в семь часов самолет поднимается в воздух и возвращается в два часа ночи.

– Как долго вы там находились? – спросил Ричер.

– Один день.

– В таком случае откуда вы знаете, что самолет летает каждый вечер?

Она не ответила.

– Может, кто-то вам говорил, – подсказал Ричер.

Но опять не получил ответа.

– Нет такого закона, который запрещает прогулки на самолете, – заметил Ричер.

– Люди не летают по ночам ради развлечения. Ничего не видно.

– Тут вы правы.

Девушка помолчала еще минуту, а потом спросила:

- Вы сидели в камере?
- Пару часов.
- Там был еще кто-нибудь?
- Нет.
- Когда вы туда вернулись, кого вы видели?
- Может, просто покажете мне его фотографию? – предложил Ричер.
- Чью фотографию?
- Вашего бойфренда.
- А зачем мне ее вам показывать?
- Ваш бойфренд пропал. По крайней мере, вы не можете его найти. Такое впечатление сложилось у офицера Воэн.
- Вы доверяете копам?
- Некоторым.
- У меня нет фотографии.
- У вас большая сумка. Там, наверное, лежит много разных вещей. Возможно, пара фотографий.
- Покажите ваш бумажник, – попросила девушка.
- У меня нет бумажника.
- Бумажники есть у всех.
- А у меня нет.
- Докажите.
- Я не могу доказать истинность отрицательного утверждения.
- Достаньте все, что лежит в ваших карманах.

Ричер кивнул. Он ее понимал. «Мальчишка откуда-то сбежал. Она спросила про мою работу. Она хочет знать, не следователь ли я. У следователя в бумажнике лежит удостоверение личности, которое его выдаст», – подумал он, приподнялся со скамейки и вытащил из карманов наличные деньги, старый паспорт, карточку банкомата и ключ от номера в мотеле. Зубная щетка осталась там, в собранном виде, и стояла в пластиковом стаканчике рядом с раковиной. Девушка посмотрела на его вещи и пробормотала:

- Спасибо.
- А теперь покажи мне его фотографию, – сказал Ричер.
- Он не мой бойфренд.
- Разве?
- Он мой муж.
- Ты слишком молода, чтобы быть замужем.
- Мы любим друг друга.
- У тебя нет кольца.

Ее левая рука лежала на столе, и она быстро ее убрала, спрятав на коленях. На пальце не было ни кольца, ни белой полоски.

- Это произошло немного неожиданно, – сказала она. – Мы спешили и договорились купить кольца потом.
- А разве кольца не являются частью церемонии?
- Не являются, – ответила девушка. – Это миф. – Помолчала немного и добавила: – И не думайте, я не беременна.
- Ни секунды такого не думал.
- Хорошо.
- Покажи фотографию.

Она водрузила огромную сумку на колени, подняла клапан, немного покопалась внутри и достала оттуда пухлый кожаный бумажник. Отделение для денег, с трудом удерживаемое

небольшой застёжкой, и еще одно – для мелочи. На внешней стороне Ричер увидел пластиковое окошко с водительскими правами и ее фотографией, выданными в Калифорнии. Девушка открыла бумажник и начала перебирать пластиковые отделения с фотографиями. Просунула тонкий палец в одно из них, достала оттуда снимок, положила на стол и подтолкнула к Ричеру.

Он был вырезан из стандартной фотографии шесть на четыре, какие делают за один час. Края получились не совсем ровными. На снимке была изображена девушка, стоящая на улице с золотыми фонарями и пальмами и рядом аккуратных магазинчиков у нее за спиной. Она широко улыбалась, переполненная любовью, радостью и счастьем, слегка наклонившись вперед, словно все ее тело готовилось к приступу смеха, который она не могла сдержать. Ее обнимал юноша одного с ней возраста. Очень высокий, крупный, со светлыми волосами. Спортсмен. У него были голубые глаза, короткая стрижка, темный загар и широкая улыбка.

– Твой муж? – спросил Ричер.

– Да, – ответила девушка.

Юноша был больше чем на голову выше ее, с мощными, как стволы пальм, руками, сложенными за спиной. Он нависал над ней и казался громадным.

Не тот человек, о которого Ричер споткнулся в темноте.

Даже близко не похож.

Слишком крупный.

Глава 15

Ричер расправил снимок на столе, посмотрел на девушку, сидевшую напротив, и спросил:

- Как давно сделана фотография?
- Недавно.
- Могу я посмотреть твои водительские права?
- Зачем?
- Мне нужно кое-что проверить.
- Ну, не знаю.

– Я все равно понял, что тебя зовут не Анна. И что ты учишься не в Майами. Скорее, в Калифорнийском университете. Фотография, судя по всему, сделана где-то там. Она питана атмосферой Лос-Анджелеса.

Девушка молчала.

– Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, – проговорил Ричер.

Она помедлила, а затем подтолкнула к нему бумажник. Ричер посмотрел на водительские права, большая часть которых была видна через мутноватое пластиковое окошечко. Ее звали Люси Андерсен. Среднего имени не было. Андерсен – отсюда, вероятно, Анна.

– Люси, – сказал он. – Приятно познакомиться.

– Извините, что наврала вам.

– Все в порядке. Тебе не о чем беспокоиться.

– Друзья называют меня Везунчик, ну, вроде мое имя, только измененное⁷. Как прозвище.

– Надеюсь, тебе всегда будет везти.

– Я тоже. До сих пор все так и было.

В водительских правах сообщалось, что ей почти двадцать лет. Она жила в квартире на улице, которая, как было известно Ричеру, находилась неподалеку от главного кампуса университета. Он недавно побывал в Лос-Анджелесе и еще помнил его географию. Пол Люси был указан как женский – абсолютно точные сведения, а вот цвет глаз был назван просто голубым – явное преуменьшение.

Ее рост составлял пять футов восемь дюймов.

Значит, рост ее мужа равнялся по меньшей мере шести футам четырем дюймам. Или пяти дюймам. Судя по фотографии, он весил гораздо больше двухсот фунтов. Возможно, был одного размера с Ричером или даже крупнее.

Ричер пододвинул к ней бумажник и фотографию.

– Вы его видели? – спросила Люси Андерсен.

Он покачал головой.

– Нет, не видел. Мне очень жаль.

– Он должен быть где-то там.

– От чего он убегает?

Она посмотрела вправо.

– С какой стати ему от чего-то убегать?

– Так, предположение, – сказал Ричер.

– Кто вы такой?

– Обычный человек.

– Как вы догадались, что меня зовут не Анна? И что я учусь не в Майами?

⁷ В английском написании имя Лусу (Люси) похоже на слово Lucky – Везунчик.

– Давным-давно я был копом. В армии. Я не забыл того, что знал.

Люси замерла и побледнела. Кожа под веснушками стала белой.

Она быстро убрала фотографию на место, застегнула бумажник и засунула поглубже в сумку.

– Не любишь копов, верно? – спросил Ричер.

– Иногда, – ответила она.

– Это очень необычно для человека вроде тебя.

– Вроде меня?

– Человека, уверенного в себе, спокойного, с хорошим воспитанием, представителя среднего класса.

– Все меняется.

– Что сделал твой муж?

Она не ответила.

– И кому он это сделал?

Никакого ответа.

– Зачем он отправился в Диспейр?

Никакого ответа.

– Где ты должна была с ним там встретиться?

Молчание.

– Ладно, неважно, – сказал Ричер. – Я его не видел. И я больше не коп. Уже давно.

– Что бы вы сделали на моем месте?

– Стал бы ждать здесь, в городе. Твой муж производит впечатление человека, который способен за себя постоять. Возможно, он рано или поздно объявится. Или свяжется с тобой.

– Надеюсь.

– Он тоже учится в колледже?

Люси Андерсен не ответила и на этот вопрос. Молча застегнула клапан сумки, боком скользнула по скамейке, встала и потянула вниз подол юбки. Пять футов восемь дюймов, светлые волосы, голубые глаза, прямая, сильная и здоровая.

– Спасибо, – сказала она. – Спокойной ночи.

– Удачи тебе, Везунчик, – ответил Ричер.

Она надела сумку на плечо, открыла дверь и вышла на улицу. Ричер видел, как она одернула футболку и шагнула в холодную ночь.

Ричер добрался до кровати примерно в два часа ночи. В номере мотеля было тепло. Под окном стоял обогреватель, работающий на полную мощность. Ричер установил будильник у себя в голове на половину седьмого. Он устал, но решил, что четырех с половиной часов ему хватит. Должно хватить, потому что он еще хотел принять душ, прежде чем отправиться завтракать.

Глава 16

Стало уже штампом, что копы заходят в кафе, чтобы съесть пончик до, во время и после каждой смены, но штампы становятся штампами лишь потому, что они часто оказываются верными. Поэтому без пяти семь утра Ричер уселся в ту же дальнюю кабинку, уверенный в том, что офицер Возн зайдет внутрь в течение следующих десяти минут.

Так и произошло.

Ричер увидел, как ее машина остановилась и припарковалась перед кафе. Возн вышла на тротуар, прижала обе руки к пояснице и потянулась. Потом закрыла дверцу, повернулась и пошла к двери в кафе. Она заметила Ричера, на несколько секунд замерла, затем изменила направление движения и села напротив него.

– Клубника, ваниль или шоколад? – спросил Ричер. – Это все, что у них есть.

– Из чего?

– Из молочных коктейлей.

– Я не пью ничего за завтраком с сомнительными типами.

– Я не сомнительный тип. Я гражданин, у которого возникла проблема. А ты здесь, чтобы мне помогать. Так сказано на твоём значке.

– Какая у тебя проблема?

– Девушка меня нашла.

– Ты видел ее бойфренда?

– На самом деле это ее муж.

– Правда? – спросила Возн. – Она слишком молодая, чтобы быть замужем.

– Я тоже так подумал. Она сказала, что они любят друг друга.

– Сейчас заиграют скрипки. Итак, ты его видел?

– Нет.

– И в чем же твоя проблема?

– Я видел кое-кого другого.

– Кого?

– Вообще-то не совсем видел. Было ужасно темно. Я на него упал.

– На кого?

– На мертвого мужчину.

– Где?

– Когда шел из Диспейра.

– Ты уверен?

– Совершенно, – ответил Ричер. – Это был труп молодого мужчины, почти мальчика.

– Ты серьезно?

– Я серьезен, как сердечный приступ.

– Почему ты не сказал об этом ночью?

– Мне требовалось время, чтобы подумать.

– Ты морочишь мне голову. Там, наверное, тысяча квадратных миль. А ты наткнулся на труп в темноте? Таких совпадений просто не бывает.

– Ты не совсем права, – возразил Ричер. – Я думаю, он делал то же, что и я. Шел на восток из Диспейра в Хоуп, стараясь держаться возле дороги, чтобы не заблудиться, но чуть в стороне. Я мог бы пройти мимо него на расстоянии ярда, но никак не мили.

Возн ничего не сказала.

– Но он не дошел туда, куда направлялся, – продолжил Ричер. – Наверное, вконец обессилел. Его колени погрузились глубоко в песок, значит, он упал на них, а потом растянулся во весь рост и умер. Он был истощен и обезвожен. Никаких ран или травм.

- Ты что, провел вскрытие? В темноте?
 - Я его ощупал.
 - Ощупал?
 - Прибег к помощи осязания, – пояснил Ричер. – Одного из пяти органов чувств, на которые мы полагаемся.
 - И кем же оказался этот мужчина?
 - Белый, судя по волосам. Возможно, пять футов восемь дюймов, сто сорок фунтов. Молодой. Без документов. Я не знаю, какого цвета у него волосы, светлые или темные.
 - Невероятно.
 - Но факт.
 - Где точно?
 - Наверное, в четырех милях от города и в восьми от границы.
 - Значит, определенно в Диспейре.
 - Без вопросов.
 - Ты должен сообщить в полицейский участок Диспейра.
 - Я не стану мочиться на полицейский участок Диспейра, даже если он будет гореть в огне.
 - Ну, я ничем не могу тебе помочь. Это не моя юрисдикция.
- К ним подошла официантка. Из дневной смены, та самая, что стала свидетельницей кофейного марафона. Она была деловой и нервной. Кафе быстро заполнялось посетителями. Маленький американский городок, время завтрака. Ричер заказал кофе и яйца. Возн – только кофе. Ричер подумал, что это хороший знак. Как только официантка отошла, он сказал:
- На самом деле ты можешь мне помочь.
 - Как? – спросила Возн.
 - Я хочу вернуться туда и посмотреть на него сейчас, при свете дня. Ты могла бы меня отвезти. Мы бы слетали туда и обратно, очень быстро.
 - Это не мой город.
 - Неофициально. Ты же сейчас не на службе. Ты обычный гражданин. И имеешь право ездить по их дороге.
 - А ты сумеешь найти то место?
 - Я оставил кучку камней на обочине дороги.
 - Я не могу это сделать, – ответила Возн. – Не могу там разнюхивать. И уж разумеется, не могу отвезти тебя в Диспейр. Тебя оттуда выгнали. Это будет самой настоящей провокацией.
 - Никто не узнает.
 - Ты так думаешь? У них одна дорога, которая ведет в город и из города, и две машины.
 - Сейчас они едят пончики в своем ресторане.
 - Ты уверен, что тебе все это не приснилось?
 - Сны тут совершенно ни при чем, – сказал Ричер. – У мальчишки глаза были как мраморные шарики. А внутренняя поверхность рта напоминала высохшую кожу. Он бродил там несколько дней.
- Вернулась официантка и принесла кофе и яйца, вокруг которых лежала свежая петрушка. Ричер собрал ее и положил на край тарелки.
- Я не могу поехать в Диспейр на полицейской машине, принадлежащей Хоупу, – сказала Возн.
 - А что еще у тебя есть?
- Она довольно долго молчала и пила кофе маленькими глотками. Наконец ответила:
- Старый грузовик.

Воэн заставила его ждать на Первой улице, около лавки скобяных товаров. Она явно не собиралась приглашать его к себе домой, чтобы он стал свидетелем того, как она будет переодеваться и менять машину. Разумная предосторожность. «Посмотри на себя, – сказала она. – Что ты видишь?» Ричер уже начал привыкать к отрицательным ответам на этот вопрос.

Лавка еще не открылась. Витрина ломилась от инструментов и самых разных мелких товаров. В проходе за дверью было свалено то, что будет позже выставлено наружу, на тротуар. Ричер уже много лет пытался понять, почему хозяева скобяных лавок так любят устраивать выставки перед своими магазинами. Это требовало огромного труда. Дважды в день им приходилось прикладывать серьезные физические усилия. Но возможно, законы потребительской психологии гласят, что крупные хозяйственные товары продаются лучше, если они ассоциируются с открытым воздухом. Или, может быть, это всего лишь вопрос пространства. Несколько минут Ричер раздумывал над этим, но не пришел ни к какому определенному выводу. Он сделал пару шагов в сторону и прислонился к столбу, на котором висел знак перехода. Утро выдалось холодным и серым. Тонкие тучи повисли у самой земли, и Скалистые горы было вообще невозможно рассмотреть, ни далеко, ни близко.

Минут через двадцать у противоположного тротуара остановился старый «шевроле»-пикап. Не классический грузовик сороковых, и не стремительный образец космического века пятидесятых, и даже не мужественный «эль камино» шестидесятых. Самый обычный подержанный американский автомобиль пятнадцатилетней давности: облезлая голубая краска, стальные обода, маленькие шины. Воэн сидела за рулем. Она была в красной ветровке, застегнутой на молнию до самого подбородка, и спортивной шапочке цвета хаки, натянутой почти на самые глаза. Отличная маскировка. Ричер не узнал бы ее, если бы не ждал, что она приедет. Он перешел на другую сторону и сел рядом с ней на маленькое виниловое сиденье с прямой спинкой. Внутри пахло подтекающим бензином и холодным выхлопом. Под ногами лежали резиновые коврики, покрытые пылью пустыни, истончившиеся и потрепанные от долгого употребления. Ричер захлопнул дверь, и Воэн снова стартовала. У грузовика был страдающий одышкой четырехцилиндровый мотор. «Мы бы слетали туда и обратно, очень быстро», – сказал он ей. Но, судя по всему, понятие «быстро» будет весьма относительным.

Они преодолели пять миль Хоупа за семь минут. Примерно в ста ярдах от границы Воэн сказала:

– Если мы кого-нибудь увидим, ныряй вниз.

Затем она нажала на педаль газа, трубный компенсатор застучал под колесами, и шины взревели на острых камнях Диспейра.

– Ты часто сюда приезжаешь? – спросил Ричер.

– Да что мне тут делать?

Впереди не было ни одной машины. Ни в ту ни в другую сторону. Дорога уносилась в окутанную дымкой даль, то поднимаясь, то опускаясь вниз. Воэн вела грузовичок на скорости шестьдесят миль в час. Миля в минуту, скорость, близкая к максимально комфортной.

Через семь минут езды по вражеской территории Воэн сбавила скорость.

– Следи за левой обочиной, – сказал Ричер. – Четыре камня, сложенные в пирамиду.

День выдался сереньким. Не ярким и не солнечным, но все было прекрасно освещено. Никакого ослепительного сияния и никаких теней. На одной из обочин лежал какой-то мусор. Не много, но достаточно, чтобы пирамида Ричера не выделялась, как маяк. Там валялись пластиковые бутылки из-под воды, стеклянные пивные бутылки, банки из-под содовой, бумажки, маленькие детали машин, все вперемешку с мелкими камешками, отброшенными на край дороги проносящимися мимо машинами. Ричер обернулся назад. Никого. Впереди тоже. Воэн еще немного сбросила скорость, и Ричер стал вглядываться в обочину. Когда он в темноте держал камни в руках, они казались большими и приметными. Но сейчас, в без-

ликом дневном свете, они будут маленькими и самыми обычными среди окружающих их просторов.

Воэн поехала по середине дороги и еще сбросила скорость.

– Вон там, – указал Ричер.

Он увидел маленькую пирамиду в тридцати ярдах впереди, слева. Три камня, сложенные вместе, и четвертый наверху. Маленькая точка посреди пустоты. К югу земля уходила до самого горизонта, плоская и бесцветная, разве что тут и там виднелись хилые кусты и темные камни, а еще ямы и борозды, намытые водой.

– Это то самое место? – спросила Воэн.

– Примерно двадцать ярдов к югу, – ответил Ричер.

Он снова посмотрел на дорогу. Впереди ничего, сзади тоже.

– Все в порядке, – сказал он.

Воэн миновала пирамиду, съехала на правую обочину и повернула по широкой дуге через обе полосы. Проехала немного на восток и остановилась прямо возле пирамиды. Припарковала машину, но не стала выключать двигатель.

– Оставайся здесь, – велела она Ричеру.

– Да ерунда все это, – ответил он, вышел из машины, перешагнул через камни и остановился на обочине.

Он чувствовал себя совсем крошечным в озаренном серым светом пустом пространстве. В темноте мир вокруг него сжимался до вытянутой руки. Теперь же опять стал огромным. Воэн подошла к нему, и он зашагал через кусты под прямым углом к дороге – пять шагов, десять, пятнадцать. После двадцати шагов Ричер остановился и проверил направление движения, оглянувшись назад. Застыл на месте и стал озираться по сторонам, сначала в ближнем радиусе, затем расширяя его.

И ничего не увидел.

Он встал на цыпочки, вытянул шею и еще раз осмотрелся.

Там ничего не было.

Глава 17

Ричер аккуратно повернулся на сто восемьдесят градусов и посмотрел на дорогу, чтобы убедиться, что не слишком сильно отклонился от нужного места к западу или востоку. Все было в порядке, он находился как раз там, где нужно. Ричер прошел пять шагов на юг, повернул на восток, сделал еще пять шагов, сменил направление и отсчитал пять шагов на запад.

И ничего не увидел.

– Ну? – крикнула Возн.

– Он пропал, – ответил Ричер.

– Ты морочил мне голову.

– Ничего подобного. Зачем мне это?

– Насколько точно ты поставил камни в темноте?

– Я тоже задаю себе этот вопрос.

Возн сделала маленький круг, оглядывая окрестности, и покачала головой.

– Его здесь нет, – сказала она. – Если он вообще был.

Ричер неподвижно стоял посреди пустоты. Он ничего не видел и не слышал, если не считать терпеливого урчания мотора грузовика в двадцати ярдах от них. Ричер прошел еще десять ярдов на восток и двинулся по большому кругу. Продолав около четверти пути, он остановился.

– Посмотри сюда, – сказал он и показал на длинную цепочку узких овальных углублений в песке, находящихся примерно в ярде друг от друга.

– Следы, – проговорила Возн.

– Мои следы, – уточнил Ричер. – Оставшиеся после прошлой ночи. Они ведут в сторону Хоупа.

Они повернули на запад и двинулись по следам назад, к Диспейру. Через десять ярдов они вышли на маленькую ромбовидную полянку. Она была пустой.

– Подожди, – сказал Ричер.

– Его здесь нет, – повторила Возн.

– Но он был здесь. Это то самое место.

Корка спекшегося песка была растоптана во многих местах. Во все стороны вели дюжины следов. Повсюду на земле виднелись борозды и отметины, как будто кто-то кого-то тащил. И небольшие углубления, одни довольно ровные, другие нет, в зависимости от того, как жесткая поверхность песка ломалась под нагрузкой и он стекал в ямки.

– Расскажи мне, что ты видишь, – попросил Ричер.

– Активность, – ответила Возн. – Беспорядок.

– Историю, – поправил ее Ричер. – Она рассказывает нам о том, что произошло.

– Что бы тут ни случилось, мы не можем здесь оставаться. Предполагалось, что мы слетаем туда и обратно, очень быстро.

Ричер выпрямился и окинул взглядом дорогу, сначала ее западный конец, потом восточный.

Ничего.

– Никого нет, – сказал он.

– Надо было прихватить с собой корзинку для пикника, – съязвила Возн.

Ричер вышел на полянку, присел на корточки и показал двумя пальцами на пару аккуратных параллельных углублений в самом центре, словно две скорлупки кокоса сильно вдавили в песок вдоль северо-восточной оси.

– Колени юноши, – сказал он. – Здесь он сдался. Он споткнулся и остановился, сделал полуоборот и упал.

Затем Ричер показал на широкий каменистый участок в четырех футах к востоку, ровная поверхность которого была нарушена.

– Здесь я упал, после того как налетел на него. Приземлился вот на эти камни. Могу продемонстрировать тебе синяки, если хочешь.

– Может, попозже, – ответила Воэн. – Нам нужно ехать.

Ричер показал на четыре заметных углубления в песке.

Они были прямоугольной формы, два на три дюйма, и находились в углах большого прямоугольника – два на пять футов.

– Колесики носилок, – сказал он. – Ребята явились сюда и забрали его. Их было пять или шесть человек. Представители официальных служб, потому что у кого еще имеются носилки?

Он встал, огляделся по сторонам и показал на северо-запад, где виднелась длинная линия следов на песке и примятая растительность.

– Они пришли оттуда и унесли его в том же направлении, обратно к дороге. Может быть, к фургону коронера, который стоял немного дальше к западу от моей пирамиды.

– Значит, все в порядке, – сказала Воэн. – Его забрали представители власти. Проблема решена. А нам пора ехать.

Ричер едва заметно кивнул и посмотрел на запад.

– Что мы должны там увидеть?

– Две дорожки следов, – ответила Воэн. – Твои и этого мальчишки, идущие на восток из города. Они разделены по времени, но направление почти одно и то же.

– Но похоже, что это еще не все.

Они обошли полянку и остановились у ее западной границы. Увидели четыре отдельные дорожки следов, расположенных очень близко друг к другу. Всего получалось не больше семи футов в ширину.

– Два набора следов ведут сюда, и два отсюда, – сказал Ричер.

– Откуда ты знаешь? – спросила Воэн.

– Большинство людей при ходьбе разворачивают ступни наружу под небольшим углом.

– Может быть, мы столкнулись с семьей, у представителей которой врожденная косолапость?

– В Диспейре такое возможно, но маловероятно.

Более свежие следы, ведущие на поляну, оставляли в песке большие, довольно глубокие ямки с расстоянием между ними примерно в ярд. Более старые – ямки поменьше, ближе друг к другу, не такие ровные и значительно мельче.

– Это мальчик и я, – сказал Ричер. – Мы оба направлялись на восток, но в разное время. Я просто шел, а он спотыкался и едва держался на ногах.

Два набора следов, уходящих от поляны, выглядели совсем свеженькими. Песок был не слишком потревожен, и потому следы получились более четкими, совершенно одинаковыми, достаточно глубокими, на приличном расстоянии друг от друга.

– Довольно крупные парни, – сказал Ричер. – Направились на запад. Недавно. Вместе.

– И что это означает?

– Что они идут по следам мальчишки. Или по моим следам. Или по нашим обоим. Хотят выяснить, где мы были и откуда пришли.

– Почему?

– Они нашли труп, и им стало интересно.

– Но как они нашли труп?

– Канюки, – ответил Ричер. – Это же очевидно, на открытом пространстве.

Воэн на мгновение застыла, потом приказала:

– Быстро в грузовик!

Ричер не стал спорить. Она раньше его пришла к очевидному выводу, но всего на долю секунды.

Глава 18

Двигатель старого «шевроле» продолжал терпеливо работать. Дорога оставалась пустой. И все же они побежали. Оказавшись рядом с машиной, они распахнули дверцы и запрыгнули внутрь. Возн переключила скорость и нажала на газ. Они молчали до тех пор, пока через восемь долгих минут не пересекли городскую черту Хоупа.

– А теперь ты действительно превратился в гражданина с проблемами, – сказала Возн. – Возможно, полицейские Диспейра не блещут умом, но они остаются полицейскими. Стервятники помогли найти мертвеца, копы обнаружили его следы, а рядом еще одну цепочку следов, и теперь они захотят серьезно поговорить с тем, кто их оставил. Ясно как день.

– Так почему же они не пошли по моему следу? – спросил Ричер.

– Потому что знали, куда ты направляешься. Есть только два варианта – Хоуп или Канзас. Они хотят знать, откуда ты пришел. И что они обнаружат?

– Большую петлю. И еще обертки от шоколада и пустые бутылки от воды, если поищут как следует.

Возн кивнула, не отводя глаз от руля.

– Прямые улики, указывающие на крупного парня с большими ступнями и длинными ногами, который совершил тайную вылазку на их территорию на следующий день после того, как его вышвырнули из города.

– К тому же один из помощников шерифа меня видел.

– Ты уверен?

– Мы с ним даже поговорили.

– Замечательно.

– Смерть парня, найденного мной возле дороги, наступила от естественных причин.

– Ты уверен? Тебе даже не удалось его осмотреть, пришлось действовать на ощупь.

Они отвезут труп в морг.

– Но меня нет в Диспейре. Ты не можешь поехать туда, а они – сюда.

– Мелкие полицейские участки не расследуют убийств, идиот. Мы звоним в полицию штата, которая может направиться в любое место на территории Колорадо. А ты со вчерашнего дня занесен в журнал происшествий. Я не сумею это отрицать, даже если захочу.

– А ты захочешь?

– Я ничего о тебе не знаю. Если не считать того, что ты избил помощника шерифа в Диспейре. Ты сам в этом признался. Кто знает, что еще ты натворил?

– Больше ничего.

Возн промолчала.

– Что будет дальше? – спросил Ричер.

– В таких случаях всегда лучше опережать развитие событий. Ты должен сообщить о своей находке.

– Нет.

– Почему?

– Я солдат. Я никогда не выступаю в роли добровольца.

– Ну, тогда я ничем не могу тебе помочь. Это не в моих силах. Впрочем, так было с самого начала.

– Ты можешь позвонить, – сказал Ричер. – Связаться с полицией штата и выяснить, что они думают по данному вопросу.

– Очень скоро они сами нам позвонят.

– Так почему бы не опередить события, как ты сама только что выразилась? Всегда лучше предоставить информацию заранее.

Воэн ничего не ответила, сняла ногу с газа, и машина поехала медленнее. Они уже приближались к окраине города. Хозяин магазина скобяных изделий распахнул дверь и начал вытаскивать свои товары на тротуар. У него была хитрая стремянка на восемь разных позиций. Он поставил ее таким образом, что она стала напоминать помост, какой маляры используют для покраски стен второго этажа. Воэн поехала направо, потом налево, мимо задней части кафе. Улицы были широкими и красивыми, на тротуарах росли деревья. Она свернула на стоянку возле низкого кирпичного здания, которое вполне могло быть почтой. Однако здесь размещался полицейский участок Хоупа. Над входом красовалась соответствующая надпись, сделанная крупными алюминиевыми буквами. Воэн заглушила двигатель, и Ричер последовал за ней по аккуратной кирпичной дорожке к входу в участок. Дверь оказалась заперта – там еще не начали работать. Воэн открыла дверь ключом со своей связки.

– Дежурный приходит в девять часов, – пояснила она.

Внутри участок также напоминал почту. Здесь царили тусклые цвета, характерные для бюрократических государственных учреждений, но помещение показалось Ричеру дружелюбным. Доступным. Направленным на служение людям. Рядом со стойкой дежурного стояли два письменных стола. Кабинет начальника смены находился за толстой дверью, там, где обычно располагался кабинет начальника почтового отделения. Воэн прошла мимо стойки к своему письменному столу. Все было эффективно организовано, но в этом порядке не ощущалось угрозы. Посреди стола стоял компьютер устаревшей модели, рядом расположился телефонный коммутатор. Воэн вытащила из ящика справочник и нашла нужный номер. Очевидно, ей не слишком часто приходилось связываться с полицией штата и она не знала телефон наизусть. Воэн набрала номер, попросила дежурного, представилась и сказала:

– У нас запрос по исчезнувшему человеку. Мужчина, белый, возраст около двадцати лет, рост пять футов восемь дюймов, вес сто сорок фунтов. Вы можете нам помочь?

Она выслушала ответ, поглядывая то влево, то вправо, а потом сказала:

– Имя нам неизвестно.

Ей задали еще один вопрос, Воэн посмотрела вправо и ответила:

– Я не знаю, светлые у него волосы или темные. У нас есть только черно-белая фотография.

Наступила пауза. Ричер увидел, как Воэн зевнула. Она устала. Она работала всю ночь. Воэн отодвинула трубку от уха, и до Ричера донесся стук клавиатуры в далеком полицейском участке. Возможно, в Денвере или Колорадо-Спрингсе. Потом вновь зазвучал голос, Воэн прижала трубку плотнее, и больше Ричер ничего не услышал.

– Благодарю, – наконец сказала Воэн, повесила трубку и обернулась к Ричеру. – Нечего докладывать. Очевидно, из Диспейра им не звонили.

– Смерть по естественным причинам, – кивнул Ричер. – Они согласны со мной.

Воэн покачала головой.

– Они должны были позвонить в любом случае. Необъяснимая смерть под открытым небом – это вопрос, который находится в юрисдикции штата. Из чего следует, что информация должна была сразу оказаться в их системе.

– Так почему же они ничего не сообщили?

– Понятия не имею. Но это уже не наша проблема.

Ричер уселся за соседний письменный стол – обычный предмет мебели для государственных учреждений, со стальными ножками и тонкой столешницей из фибролита, ламинированного пластиковой имитацией розового дерева. Между ножками также имелась панель и стойка с тремя ящиками, прикрепленная к правой ножке. Кресло на колесиках было обито серым твидом. Мебель в военной полиции была другой, с виниловым покрытием. Письмен-

ные столы – из стали. Ричеру довелось сидеть за дюжинами таких столов в самых разных частях света. Вид из окон поражал разнообразием, но письменные столы оставались неизменными. Как и их содержимое. Папки с досье на мертвых и исчезнувших людей. О некоторых скорбели, о других – нет.

Ричер подумал о Люси Андерсен, которую друзья прозвали Везунчиком. Вспомнил, как она сидела прошлым вечером в кафе, нервно сжимая и разжимая кулаки. Он посмотрел на Возн и сказал:

– В каком-то смысле это наша проблема. Кто-нибудь наверняка тревожится о пропавшем парне.

Возн кивнула и опять взяла в руки справочник. Ричер видел, как она переворачивает страницы от «К» (Колорадо, полиция штата) к «Д» (Диспейр, полицейский участок). Она набрала номер, и Ричер услышал в трубке громкий голос, словно физическая близость усиливала электрический ток в проводах. Возн повторила ту же легенду о пропавшем мужчине: белый, около двадцати лет, рост пять футов восемь дюймов, вес сто сорок фунтов, имя неизвестно, как и цвет волос, потому что в ее распоряжении есть лишь черно-белая фотография. После короткой паузы последовал столь же короткий ответ.

Возн повесила трубку.

– Им нечего сказать, – сообщила она. – Они никогда не видели такого парня.

Глава 19

Ричер сидел неподвижно, а Возн переставляла вещи на своем столе. Она выровняла клавиатуру, потом монитор, задвинула за него телефон и успокоилась только после того, как все линии стали параллельными или образовали прямые углы. Затем она убрала карандаши в ящики и стряхнула ладонью пыль и крошки с поверхности стола.

– Следы носилок, – сказала она.

– Я знаю, – кивнул Ричер. – Если бы не они, я мог бы рассказать, что произошло.

– Если это следы носилок.

– А что еще это может быть?

– Ничего другого мне в голову не приходит. Старомодные носилки с маленькими подпорками, а не колесами.

– Зачем же мне придумывать что-то еще?

– Чтобы привлечь внимание.

– Я не люблю внимание.

– Все любят внимание. В особенности вышедшие в отставку полицейские. Это известная беда. Ты пытаешься снова стать участником расследования.

– И ты будешь так себя вести, когда выйдешь в отставку?

– Надеюсь, что нет.

– Вот и я тоже.

– В таком случае что происходит?

– Может быть, тот парень был местным, – предположил Ричер. – Они знали, кто он такой, значит, он не мог оказаться пропавшим мужчиной, о котором ты им рассказала.

Возн покачала головой.

– Все равно это странно. О любой необъяснимой смерти под открытым небом необходимо докладывать коронеру штата. И это должно быть отражено в компьютерной системе штата. Обычная статистика. Полиция штата должна была сказать: ну да, мы слышали, что в Диспейре нашли мертвеца сегодня утром, может быть, вам стоит на него взглянуть.

– Но они ничего такого не сделали.

– Потому что из Диспейра им никто не звонил. Проклятье, что они делают с трупом? Там нет морга. Даже подходящего холодильника, насколько мне известно. В том числе для хранения мяса.

– Значит, они делают с ним что-то другое, – сказал Ричер.

– Например?

– Скорее всего, хоронят.

– Но он не был жертвой несчастного случая на шоссе.

– Возможно, они хотят что-то скрыть.

– Но ты же сам говорил, что он умер своей смертью.

– Верно, – кивнул Ричер. – Он слишком долго блуждал в зарослях. Может быть, дело в том, что полицейские выгнали его из города и теперь им стыдно. Если, конечно, они еще способны испытывать стыд.

Возн снова покачала головой.

– Они не выгоняли его из города. Мы не получали звонка. Они всегда нам звонят. Всегда. Потом довозят человека до границы и оставляют. На этой неделе это были ты и девушка. И все.

– А они никогда не вывозят их на запад?

– Там ничего нет. Ничейная земля.

– Может, они просто не торопятся и звонок последует позже.

– Едва ли, – возразила Воэн. – Ты находишь мертвеца и сразу одну руку кладешь на пистолет, а другую – на рацию. Ты просишь поддержки, вызываешь «скорую помощь» и коронера. Один, два и три. Все делается совершенно автоматически. И здесь, и там.

– Или они не такие профессионалы, как вы.

– Тут дело не в профессионализме. Тут дело в том, что кто-то прямо на месте решил нарушить процедуру и не звонить коронеру. А на это должна существовать серьезная причина.

Ричер промолчал.

– Возможно, полицейских там не было. Возможно, его нашел кто-то другой.

– Гражданские не возят носилки в своих машинах, – заметил Ричер.

Воэн рассеянно кивнула и встала.

– Нам надо уйти отсюда до того, как придет дневная смена, – сказала она. – И начальник.

– Ты не хочешь, чтобы тебя видели со мной?

– Есть немного. И еще меня смущает тот факт, что я не знаю, как поступить.

Они вернулись в старый автомобиль Воэн и опять поехали в кафе. Завтрак уже закончился, и народу почти не осталось. Ричер заказал кофе. Воэн сказала, что ее вполне устроит стакан водопроводной воды. Она выпила полстакана и принялась барабанить по столу пальцами.

– Давай рассуждать с начала, – предложила она. – Кем был тот парень?

– Белым мужчиной, – ответил Ричер.

– Не латиноамериканцем? И не иностранцем?

– В формальном смысле латиноамериканцев можно считать белыми. Как и арабов и некоторых азиатов. Я сужу только по его волосам. Он не был черным, тут у меня нет сомнений. А в остальном – он мог приехать сюда из любой точки на карте.

– Он был смуглый или бледный?

– Я ничего не видел.

– Тебе следовало захватить фонарик.

– По зрелом размышлении я рад, что этого не сделал.

– А какой на ощупь была кожа?

– Самой обычной.

– И все же ты должен был сделать какие-то выводы. Оливковая кожа на ощупь воспринимается иначе, чем бледная. Она производит впечатление немного более гладкой и плотной.

– В самом деле?

– Мне так кажется. А что думаешь ты?

Указательным пальцем правой руки Ричер коснулся внутренней части своего левого запястья, дотронулся до щеки, провел под глазом.

– Трудно сказать, – задумчиво проговорил он.

Воэн протянула ему через стол свою руку.

– Сравни.

Он деликатно коснулся внутренней части ее запястья.

– Теперь лицо, – велела она.

– Ты серьезно?

– Исключительно в исследовательских целях.

Немного помедлив, он коснулся ее щеки подушечкой большого пальца. Потом убрал руку и сказал:

– Кожа у него была более плотной, чем у нас, а гладкость посередине между нами.

– Хорошо, – ответила Возн. Она дотронулась до своего запястья в том месте, где к нему прикоснулся Ричер, и провела ладонью по щеке. – А теперь дай мне пощупать твое запястье.

Он протянул руку над столом. Возн приложила два пальца к его запястью, словно собиралась измерить пульс, и слегка потерла кожу, а потом наклонилась вперед и другой рукой коснулась его щеки. Кончики пальцев у нее были холодными после стакана с водой, от этого прикосновения Ричер вздрогнул и ощутил, как между ними проскочил легкий электрический разряд.

– Значит, он вовсе не обязательно был белым, но определенно он был моложе тебя. Не таким морщинистым и иссеченным дождем и ветром. Короче, не таким ужасным, как ты.

– Благодарю.

– Тебе бы не помешало воспользоваться хорошими увлажнителями кожи.

– Я запомню твой совет.

– И лосьоном от загара.

– Аналогично.

– Ты куришь?

– Раньше курил.

– Это тоже плохо действует на кожу.

– Возможно, он был азиатом: у него росла тощая бородка.

– А скулы?

– Резко выраженные. Впрочем, он был худым.

– Истощенным.

– Да, и весьма заметно. Но скорее всего, он с самого начала был жилистым.

– Сколько времени нужно, чтобы жилистый человек стал истощенным?

– Я точно не знаю. Наверное, пять-шесть дней на больничной койке или в тюремной камере, если ты болен или объявил голодовку. И гораздо меньше, если ты находишься под открытым небом и вынужден двигаться, чтобы сжигать энергию и сохранять тепло. Дня два-три.

Возн немного помолчала.

– То есть он бродил довольно долго, – наконец сказала она. – Нам нужно узнать, почему добрые люди из Диспейра два или три дня старались удерживать его там.

Ричер потряс головой.

– Возможно, будет полезнее выяснить, почему он так сильно пытался там остаться. Для этого у него должна была быть чертовски важная причина.

Глава 20

Воэн допила воду, а Ричер покончил с чашкой кофе и спросил:

– Могу я взять твою машину?

– Когда?

– Сейчас. Пока ты будешь спать.

– Нет, – ответила Воэн.

– Почему?

– Ты воспользуешься ею, чтобы добраться до Диспейра, там тебя арестуют, и я буду замешана в эту историю.

– А если я не поеду в Диспейр?

– А куда еще ты можешь направиться?

– Я хочу выяснить, что находится на западе. Возможно, мертвец появился оттуда. Полагаю, он не проходил через Хоуп. Иначе ты бы его заметила и запомнила. Как и исчезнувшего мужа той девушки.

– Хорошая мысль. Но к западу от Диспейра ничего нет. Совсем ничего.

– Но что-то там должно быть.

Воэн вновь задумалась. Потом сказала:

– Тебе придется сделать большую петлю. Почти до самого Канзаса.

– За бензин я заплачу, – кивнул Ричер.

– Обещай мне, что будешь держаться подальше от Диспейра.

– А где проходит граница?

– Пятью милями западнее металлического завода.

– Договорились.

Воэн вздохнула и подтолкнула по столу ключи.

– Поезжай, – сказала она. – А я пойду домой. Не хочу, чтобы ты знал, где я живу.

Ричеру не удалось отодвинуть достаточно далеко назад сиденье старого «шевроле». Полозья оказались слишком короткими, и ему пришлось вести машину с прямой спиной и разведенными в стороны коленями, словно он сидел за рулем трактора. «Шевроле» плохо слушался руля, да и тормоза были слабоваты. И все же ехать было лучше, чем идти. Намного лучше. С пешими прогулками Ричер покончил, по крайней мере на ближайшие пару дней.

Сначала он заехал в свой мотель в Хоупе. Его номер находился в самом конце ряда, а значит, комната Люси Андерсен была ближе к офису. Девушка не могла остановиться где-то еще. Другой гостиницы в городе Ричер не заметил. И едва ли она жила у друзей, потому что их не было рядом с ней в кафе вечером, когда в них возникла нужда.

Окна в комнатах мотеля выходили назад. Со стороны фасада находились двери и шезлонги, а на высоте головы имелись узкие матовые оконца, через которые в ванную комнату проникал дневной свет. Ричер начал с окон соседнего номера, он искал белые пятна нижнего белья, сохнувшего над ванной. По личному опыту он знал, что поколение женщин, к которому принадлежит Люси Андерсен, огромное внимание уделяет личной гигиене.

Из двенадцати номеров два привлекли его особое внимание. В одном белое пятно было побольше. Из этого вовсе не следовало, что там больше нижнего белья. Скорее, в номере остановилась женщина старше и крупнее. Ричер выбрал другую дверь, постучал, отступил на пару шагов и стал ждать. После долгой паузы Люси Андерсен открыла дверь и остановилась на пороге, держа ладонь на ручке двери.

– Привет, Везунчик, – сказал Ричер.

– Что вам нужно?

– Я хочу знать, зачем твой муж отправился в Диспейр и как он туда добрался.

Люси была в тех же теннисных туфлях и таких же коротких носках. Выше виднелась гладкая, идеально загорелая кожа. Возможно, Люси играла в европейский футбол за Калифорнийский университет Лос-Анджелеса и была звездой команды. Выше обнаружили шорты из обрезанных джинсов. Они были обрезаны неровно, причем с внешней стороны бедер короче, чем с внутренней, то есть очень коротко, если учесть, что с внутренней стороны бедер было оставлено всего три четверти дюйма ткани.

Выше была другая футболка, синяя, без надписи.

– Я не хочу, чтобы вы искали моего мужа.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы вы его нашли.

– Почему?

– Это очевидно.

– Но не для меня, – возразил Ричер.

– А еще я хочу, чтобы вы оставили меня в покое, – заявила Люси.

– Вчера ты о нем тревожилась. А сегодня уже нет?

Она шагнула вперед, на свет, и посмотрела вправо и влево. Парковка перед мотелем была пустой, если не считать «шевроле» Воэн, стоявшего возле номера Ричера. Футболка Люси Андерсен была того же цвета, что и глаза, в которых плескалась паника.

– Просто оставьте нас в покое, – сказала она, вернулась в свой номер и закрыла дверь.

Какое-то время Ричер сидел в машине Воэн, изучая карту, найденную в кармане на двери. Солнце уже зашло, но в кабине было тепло. Опыт подсказывал ему, что в машине всегда либо тепло, либо холодно. Как в самом примитивном календаре. Либо лето, либо зима. Солнце или проникает сквозь стекло и металл, или нет.

Карта подтвердила слова Воэн. Ему предстояло проехать по трем с половиной сторонам огромного прямоугольника: сначала на восток почти до самой границы с Канзасом, потом на север до федеральной автострады I-70, потом на запад, а потом на юг по тому же шоссе, по которому ездили грузовики с металлического завода. Почти двести миль. Около четырех часов. Плюс четыре часа и двести миль обратно, если он прислушается к желанию Воэн держаться подальше от дорог Диспейра.

Что он и собирался сделать.

Наверное.

Ричер выехал с парковки и направился на восток, повторяя путь, который проделал со стариком в его «гранд маркизе». Низкое утреннее солнце оставалось справа. Выхлопные газы просачивались в кабину старого «шевроле», и Ричер оставил окна приоткрытыми. Автоматическая система опускания стекол отсутствовала. Пришлось пользоваться старомодными ручками; впрочем, они ему нравились больше, из-за точности. Он опустил левое стекло меньше чем на дюйм, а правое – на полдюйма. На постоянной скорости шестьдесят миль в час в кабине свистел ветер – мелодичный высокий звук оттеняли басовое гудение рессор и усталый тенор измученного двигателя. «Шевроле» оказался приятным спутником на обычной дороге. На автостраде I-70 удовольствие стало сомнительным. Мимо с ревом проносились тяжелые грузовики. Машине не хватало стабильности. После первых десяти миль на автостраде у Ричера заболели кисти рук, столько сил ему приходилось прикладывать, чтобы контролировать старый автомобиль. Он дважды останавливался, первый раз – чтобы наполнить бак бензином, второй – чтобы выпить кофе, и встречал эти передышки с радостью.

С автострады Ричер свернул на шоссе, ведущее на запад, к Диспейру, потом повернул на юго-восток и оказался на двухполосной дороге с ограничением скорости до тридцать миль в час. Ричер узнал эту дорогу. Он видел ее, когда наблюдал за заводом. Та же надежная основа, та же ширина, то же шероховатое щебеночно-асфальтовое покрытие и песок на обочинах. Ровно через четыре часа после выезда из мотеля Ричер замедлил ход, пересек предохранительную полосу и плавно съехал на обочину, двумя колесами в песок. Движение здесь было не слишком оживленным, оно ограничивалось грузовиками разных типов, следовавшими либо в сторону перерабатывающего завода, либо обратно. По большей части это были грузовые платформы, но иногда попадались контейнеровозы и фургоны. В основном номера принадлежали Колорадо и соседним штатам, но встречались также номера Калифорнии, Вашингтона, Нью-Джерси и даже Канады. Грузовики с ревом пронеслись мимо, и старый «шевроле» раскачивался на скрипучих рессорах.

Отсюда сам город было не разглядеть, Ричер различал лишь темный сгусток на горизонте и тонкую пелену смога, неподвижно висящую в воздухе. Пятью милями ближе, но все еще на расстоянии в пятнадцать миль стояла группа низких серых зданий, которые Ричер заметил раньше. Теперь они оказались справа от дороги, сливаясь в одно размытое пятно. Возможно, это бензоколонка. Или мотель. Или и то и другое. Или даже оборудованная стоянка для грузовиков с рестораном, где Ричер сможет пополнить запас калорий.

Возможно, муж Люси Андерсен и безымянный мертвец поглощали там высококалорийную пищу, перед тем как отправиться в Диспейр. В случае с умершим парнем это могла быть его последняя трапеза.

Может быть, кто-то их вспомнит.

Может быть, это место находится вне границы Диспейра.

А может быть, и нет.

Ричер бросил взгляд в зеркало заднего вида, переключил передачу, вновь выехал на дорогу и направился в сторону далекого горизонта. Двенадцать минут спустя он опять остановился, на этот раз перед маленьким зеленым знаком: «Въезд в Диспейр, население 2691 человек». В ста ярдах от него, по другую сторону границы, находилась группа низких зданий.

И они не были серыми. Это оказалось всего лишь игрой света и тени на большом расстоянии.

Здания были окрашены в оливково-зеленый цвет.

Это была не бензоколонка.

И не мотель.

И не стоянка для грузовиков.

Глава 21

Всего там было шесть низких зеленых зданий – совершенно одинаковые металлические сооружения стандартной сборки. Их разделяли одинаковые грунтовые дорожки, по краю которых лежали выкрашенные в белый цвет небольшие булыжники. Здания окружала высокая ограда из колючей проволоки, продолженная на запад, чтобы охватить парковку. На парковке стояло шесть «хамви»⁸. На каждом был установлен ручной пулемет. Рядом с парковкой виднелась стройная радиомачта, также защищенная оградой.

Не мотель.

Не стоянка для грузовиков.

Военный объект.

Точнее, армейский объект. А еще точнее, пост военной полиции. И если уж быть совсем точным, временный лагерь для мобильной части военной полиции. ПОБ, передовая оперативная база. Ричер узнал расположение и оборудование. Подтверждение он увидел на плакате, укрепленном на воротах. Сами ворота представляли собой шлагбаум с будкой для часового. Плакат был выкрашен армейской зеленой краской, номер военной части выведен белыми цифрами.

И это была не национальная гвардия.

И не резервисты.

Регулярная военная часть, к тому же хорошая. Во всяком случае, она всегда была такой во времена службы Ричера, и у него не было причин считать, что за прошедшие годы что-то изменилось. Ни одной.

Он получил тому доказательство почти сразу же.

Будка часового была сделана из металла с высокими широкими окнами, выходящими на все четыре стороны. В будке находилось четыре человека. Двое остались внутри – и так будет всегда, что бы ни случилось. Другие двое вышли. Они были одеты в полевую военную форму для пустыни, ботинки, бронежилеты и шлемы. И вооружены винтовками М-16. Они наклонились, прошли под шлагбаумом, одновременно шагнули на дорогу, сделали идеальный левый поворот и точно в ногу побежали к машине Ричера со скоростью ровно семь миль в час, как учили. Когда до «шевроле» осталось тридцать ярдов, они разделились, чтобы не стать единой целью. Один сошел на обочину, остановился в десяти ярдах и направил винтовку на Ричера. Второй обошел пикап, проверил наличие груза, а затем вернулся и встал в шести ярдах от двери со стороны водителя.

– Сэр, пожалуйста, опустите стекло, – произнес он громко и отчетливо.

«И держите руки так, чтобы я мог их видеть», – подумал Ричер.

Он опустил стекло до самого конца и посмотрел налево.

– Сэр, держите руки так, чтобы я мог их видеть, – сказал солдат. – Для вашей же безопасности.

Ричер переместил руки повыше на руле, продолжая смотреть налево. Парень, на которого он смотрел, был младшим специалистом, молодым, но уже прослужившим несколько лет, с отчетливыми морщинками у глаз. Солдат носил очки в тонкой черной оправе. На правой стороне его бронежилета было написано: «Морган». Послышался рев клаксона, солдату пришлось отступить к обочине, и мимо с воем промчался огромный грузовик. Их обдало порывом ветра, в лицо полетели мелкие камешки. «Шевроле» закачался на рессорах, а потом наступила тишина. Солдат шагнул на прежнее место, продолжая держать ситуацию под контролем, и хотя его М-16 была направлена вниз, он в любой момент мог пустить оружие в ход.

⁸ Американский армейский вездеход повышенной проходимости.

– Вольно, капрал, – сказал Ричер. – Здесь не на что смотреть.

– Сэр, этот вывод я должен сделать сам, – заявил солдат по имени Морган.

Ричер посмотрел вперед. Напарник Моргана, рядовой первого класса, продолжал стоять совершенно неподвижно, прижимая приклад М-16 к плечу. Солдат целился в правое переднее колесо «шевроле».

– Сэр, почему вы здесь остановились? – спросил Морган.

– А разве для этого нужна причина? – удивился Ричер.

– Сэр, создается впечатление, что вы изучаете закрытый военный объект.

– Вы ошибаетесь. Я этого не делаю.

– Сэр, зачем вы остановились?

– Перестаньте называть меня сэром, ладно?

– Сэр?

Ричер мысленно улыбнулся. Военный полицейский в возрасте Моргана, вероятно, изучил от корки до корки толстенный сборник предписаний под заглавием «Принятые формы обращения к гражданским лицам», который постоянно обновлялся и уточнялся.

– Может, я заблудился, – сказал Ричер.

– Вы не местный?

– Нет.

– Но у вашей машины номера штата Колорадо.

– Колорадо большой штат, – заметил Ричер. – Он занимает площадь более ста тысяч квадратных миль, солдат, это восьмой по величине штат в стране. С точки зрения территории. Но по численности населения он всего лишь на двадцать втором месте. Может быть, я приехал из самого отдаленного уголка Колорадо.

Несколько секунд Морган молчал.

– Сэр, куда вы направляетесь? – спросил он.

Этот вопрос заставил Ричера задуматься. Шоссе, отходящее от I-70, довольно узкое, и найти его не так просто. Водитель, который хочет попасть в Колорадо-Спрингс, Денвер или Боулдер-Сити, вряд ли мог бы свернуть сюда случайно. Значит, если он скажет, что ошибся поворотом или еще что-нибудь подобное, это вызовет подозрения, которые повлекут за собой проверку номеров машины Воэн, и у нее возникнут проблемы, а они ей совсем ни к чему.

Вот почему Ричер сказал:

– Я ехал в Хоуп.

Морган снял левую руку с винтовки и показал вперед.

– В том направлении, сэр. Вы на правильном пути. Двадцать две мили до центра Хоупа.

Ричер кивнул. Морган указывал на юго-восток, но не отводил взгляд от рук Ричера. Он был прекрасным солдатом. Опытным. Отлично подготовленным. Его далеко не новая полевая форма была в хорошем состоянии. Он носил потрепанные и поцарапанные ботинки, выглядевшие безупречно. Горизонтальная дужка очков была параллельна нижнему ободку шлема. Ричер любил, когда солдаты носили очки. Очки добавляли уязвимости и делали солдата более человечным, вопреки оружию и бронежилету.

Лицо современной армии.

Морган придвинулся к бамперу «шевроле», пропуская очередной мчащийся мимо грузовик с номерами Нью-Джерси. Грузовик вез закрытый сорокафутовый корабельный контейнер и напоминал гигантский кирпич, движущийся со скоростью шестьдесят миль в час. Шум, ветер, длинный хвост клубящейся пыли. Штанины Моргана прижало к ногам, маленькие торнадо пыли затанцевали у ботинок. Однако он даже не моргнул за стеклами очков.

– Сэр, эта машина принадлежит вам? – спросил он.

– Я не уверен, что должен отвечать на ваш вопрос, – сказал Ричер.

– Мы находимся рядом с секретным военным объектом, что дает мне право получить такую информацию.

Ричер ничего не ответил.

– У вас есть документы на машину и страховка?

– В бардачке, – ответил Ричер.

Он не слишком рисковал. Возн была полицейским. Большинство копов держат документы в порядке. Они попадут в дурацкое положение, если окажется, что они не на высоте.

– Сэр, могу я увидеть эти документы? – спросил Морган.

– Нет, – ответил Ричер.

– Сэр, теперь у меня складывается впечатление, что вы приблизились к секретному военному объекту на украденной машине с грузом.

– Вы уже проверили наличие груза – его нет.

Морган промолчал.

– Расслабьтесь капрал, – сказал Ричер. – Это Колорадо, а не Ирак. Я ничего не собираюсь взрывать.

– Сэр, я бы не хотел, чтобы вы употребляли такие слова.

– Вольно, Морган. Я выразился в отрицательном смысле. Рассказал вам о том, чего не собираюсь делать.

– Шутки здесь неуместны.

– Я не шучу.

– Я должен увидеть документы на машину, сэр.

– Вы превышаете свои полномочия.

– Сэр, я должен увидеть их немедленно.

– У вас на посту есть начальник военно-юридической службы?

– Нет, сэр.

– И вы намерены принять такое решение самостоятельно?

Морган не ответил. Он вновь шагнул вплотную к бамперу – мимо промчалась автоцистерна. Сзади красовался оранжевый ромб химической опасности, нержавеющая сталь была отполирована до такого блеска, что Ричер увидел свое отражение, как в павильоне с кривыми зеркалами. Когда воздушные потоки успокоились и шум стих, Морган вернулся на прежнюю позицию и повторил:

– Сэр, я хочу, чтобы вы показали мне документы. Просто помашите ими передо мной, если хотите. Чтобы я убедился, что они у вас есть.

Ричер пожал плечами, наклонился вправо и открыл бардачок. Он порылся среди шариковых ручек, бумажных салфеток и других мелочей и обнаружил маленький пластиковый бумажник, черный, с серебристым изображением руля. Подобные дешевые предметы продаются на бензоколонках и автомойках вместе с освежителями воздуха в виде хвойного дерева и круглыми компасами, которые крепятся к ветровому стеклу на присосках. Пластик облупился от времени и местами стал серым.

Ричер открыл бумажник так, чтобы Морган не мог разглядеть его содержимое. Слева в прозрачном окошке лежала страховка. Справа – регистрация.

Документы были выписаны на имя Дэвида Роберта Возна, из Хоупа, штат Колорадо.

Придерживая открытый бумажник большим пальцем, Ричер помахал им в сторону Моргана – тот успевал увидеть, что это нужные документы, но прочесть не мог.

– Сэр, благодарю вас, – сказал Морган.

Ричер убрал бумажник обратно и захлопнул бардачок.

– Сэр, вам пора ехать дальше, – сказал Морган.

Теперь у Ричера возникла новая проблема. Если он поедет прямо, то окажется на территории Диспейра. Если развернется, то Моргана заинтересует, почему он вдруг испугался и решил не ехать в Хоуп. У него может возникнуть желание проверить номер.

В каком случае опасность больше?

Вне всякого сомнения, Морган опаснее. Соревнование между полицейскими Диспейра и отрядом военной полиции даже нельзя назвать соревнованием. Ричер переключил передачу, повернул руль и со словами «Хорошего дня, капрал» выехал на дорогу.

Он нажал на газ и миновал зеленый знак, временно увеличив население Диспейра до 2692 человек.

Глава 22

Двухполосное шоссе тянулось практически по прямой на протяжении пяти миль, до самых ворот завода по переработке металла. За сто ярдов до завода влево от шоссе отходила ветка, образующая западный конец единственной дороги, которая проходила через весь Диспейр. Ричер сразу ее узнал: неровный выпуклый профиль, дешевое покрытие, щебенка и гравий. Он пропустил грузовик с блестящими стальными болванками и еще один контейнеровоз, направляющийся в Канаду. Затем свернул налево и покатыл по неровному покрытию. Перед глазами у него разворачивалась знакомая по предыдущему визиту картина, только в обратном порядке. Длинная стена завода, сварные металлические панели, блестящая белая краска, искры и дым внутри, движущиеся подъемные краны. Ричер опустил стекло у пассажирского сиденья и тут же услышал удары молотов и уловил едкие запахи химикатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.